

Капитан «Неуловимого»

Автор:

Владимир Поселягин

Капитан «Неуловимого»

Владимир Геннадьевич Поселягин

Военная боевая фантастикаПутник #2

Каково это – быть бессмертным Путником? А знаете, интересно. Каждый раз открывается что-то новое, что не позволяет затосковать от бездействия. Единственное, что вызывает недоумение – каждый раз оказываюсь перед началом Второй Отечественной войны. И пусть пока это было всего дважды, но такая тенденция настораживает.

Итак, в этот раз я попал в тело командира подводного корабля, и у меня уже появились интересные задумки по грядущей войне. И пусть я ничего не знаю о службе подводников, разве подобное меня когда-нибудь останавливало?

Владимир Поселягин

Капитан «Неуловимого»

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Цикл Владимира Поселягина

ПУТНИК

Техник-интендант

Капитан «Неуловимого»

* * *

У подъезда старого многоквартирного двухэтажного деревянного дома сопровождающий меня краснофлотец остановился. Это был уже другой, не тот зенитчик, что сопровождал меня от госпиталя до подлодки. Прошлого сопровождающего куда-то угнали, и старпом выловил вот этого и отправил его проводить меня домой.

После осмотра лодки состоялось знакомство с частью команды и командирами: они-то меня хорошо знают, всё же Мальцев командует лодкой чуть меньше месяца, а вот для меня они незнакомцы, так что придётся вертеться. Так вот, для видимости проверил, как на борту дела, и заодно изучил лодку Взором, после чего направился с посыльным в особый отдел дивизиона, где числилась подлодка.

Думал, меня песочить будут за амуры и за то, что до нападения дело довёл, но нет, дали под подпись пакет – «вскрыть в назначенное время», – а после того как расписался за полученный документ, выпроводили. Это явно что-то по их линии: если б по службе, то секретный отдел должен был бы приказы выдавать, а не особый – они контрразведчики.

Не успел уйти, как меня вызвали в секретный отдел, где подтвердили приказы в полученном от особистов пакете, а также дали почитать сводку, после чего направили к командиру дивизиона.

Капитан третьего ранга Турбин пропесочил меня за попадание в госпиталь, но узнав, что со мной всё в порядке, отменил своё решение о предоставлении мне нескольких суток на лечение и велел завтра же возвращаться на службу; сегодня, так и быть, можно отдыхать. Напомнил, что завтра, в три часа дня, состоится совещание с командирами субмарин. Как будто я о нём знал.

После этого я покинул штаб. Всё же не зря здесь побывал: узнал должности и личные данные многих командиров. Вернувшись на лодку, я убрал пакет в сейф в закутке командира подлодки. Тут даже каюты не было, только ниша, которая закрывалась занавеской. Под койкой находился рундук для личных вещей и сейф, ключ от которого обнаружился на связке.

Только после этого я направился к месту жительства Мальцева. И вот матрос, доведя меня до подъезда, остановился: видимо, сопровождать меня до квартиры он не собирался. И как быть? Я не знаю, в какой из квартир живёт лейтенант. Пришлось симулировать.

Я, пошатнувшись, ухватил краснофлотца за рукав форменки (всего полчаса назад узнал, как называется это белая рубаша у матроса) и произнес:

– Кажется, рано я госпиталь покинул. Похоже, слабость. Ничего, отлежусь. Матрос, проводи меня до комнаты. Держи ключи, сам я в замочную скважину не попаду.

– Есть, – козырнул он.

Аккуратно подхватив меня под локоть, матрос убрал связку ключей в карман штанов, свободной рукой открыл дверь, и мы начали подниматься на второй этаж. Значит, не на первом этаже живу. Подъезд был чистый, и пахло вполне приятно. Похоже, полы недавно помыли, некоторые ступеньки ещё не до конца высохли.

На площадке второго этажа оказалось четыре двери, и матрос замер, явно не зная, куда двигаться дальше.

– Товарищ лейтенант, а куда?..

Не успел я ругнуться, что такого матроса мне выдали, как одна из дверей открылась, и показалась женщина в косынке и простом платье. В одной руке у неё был пустой тазик, прижатый к боку. Увидев меня, она всплеснула свободной рукой.

– Ваня! Живой! А говорили, тебя машина сбила.

– Я всех ещё переживу, – ответил я и сразу нашёл новый выход из затруднительного положения. – Матрос, благодарю за службу, свободен.

Он вернул ключи и, козырнув, застучал каблуками ботинок вниз по лестнице. Я дождался, когда внизу за ним хлопнула дверь, и обратился к женщине:

– Что-то мне плохо: голова кружится, да и слабость. Вы не могли бы проводить меня до квартиры? Не хотелось перед матросом слабость показывать.

– Да-да, конечно.

Она опустила тазик на пол, куда-то за дверь, после чего подошла ко мне, подхватила под локоть и подвела не к той двери, откуда вышла, а к соседней. Дверь была не заперта, и женщина открыла её, просто толкнув свободной рукой. Попав в тёмный коридор, я всё понял. Будучи избалован собственной квартирой в Москве, я был уверен, что и здесь у лейтенанта своя, всё же командир боевого корабля. Как же! А комнату в коммуналке не хотите?

Женщина подвела меня к деревянной двери, третьей слева. Я сам открыл её ключом, подобрав нужный на связке, и вошёл. Сказав, что дальше разберусь сам, отпустил её, и женщина не сразу, но ушла.

Я осмотрелся. У самого входа удобно стояла табуретка, под которой стояли яловые сапоги. Сел и принялся расшнуровывать ботинки: не приучен в уличной обуви по жилому помещению ходить.

Комната у Мальцева была небольшой, чуть больше десяти квадратных метров. У окна – без занавесок, что ясно указывало на то, что жильё временное, – справа стояли письменный стол с лампой и стул со спинкой. Слева от окна расположилась полутораспальная кровать, застеленная покрывалом, а слева от входа, где я сидел, стоял небольшой шкаф. В комнате всё было как-то по-армейски, всё какое-то казённое. Уверен, что лейтенанту здесь принадлежали только личные вещи, остальное всё выдано. Надо будет посмотреть, есть ли инвентарные номера.

Сняв обувь, я расстегнул ремень с тяжёлой кобурой и повесил его на вешалку, расположенную над табуреткой. Туда же пристроил фуражку и форменную куртку, обе чёрного цвета. Подойдя к кровати, я поправил подушку и лёг. Надо

всё обдумать и прикинуть, что делать. Столько информации навалилось, стоит её переработать и проанализировать.

Итак, я попал в тело военно-морского командира, подводника, лейтенанта Мальцева Ивана Ивановича. Кандидата в члены партии, двадцати лет от роду, уже год как подводника. С таким малым опытом командирами подлодок не становятся, но как я понял, лейтенант сильно помог командующему Балтийского флота, прыгнув в холодную воду за выроненным портфелем с секретными документами и не дав им утонуть, за что и получил награду – свою подводную лодку.

Через два месяца, в июле, у Мальцева день рождения, ему исполнится двадцать один год. Чуть меньше месяца он командует малой субмариной, относящейся к классу «Малюток». Всего два торпедных носовых аппарата без дополнительных торпед. Небольшая автономность. Типичные субмарины береговой обороны, не для дальних рейдов. Вот это как раз плохо, мне нужна именно крейсерская субмарина, а не «Малютка». Однако для начала, чтобы сделать себе имя, и эта пойдёт, а там глядишь, что другое дадут.

О чём я не знал вовсе, так это о личной жизни лейтенанта. О девушке слышал, но она меня не интересовала, и лучше б ей не возвращаться от мамы. Это Мальцев был в неё влюблён, а не я. Только я не о девушке сейчас, о которой ничего не знаю, даже имени, а о родственниках. Есть ли они или я снова в сироту попал? Это тоже стоит выяснить. Если б оказалось, что Мальцев сирота, меня бы это устроило – удобно.

На кровати я пролежал недолго: дел много, нечего разлёживаться. Взор качал с той минуты, как очнулся, им и на ходу можно заниматься; я уже знал, как это делается, опыт использования имелся. За день накачал пятнадцать метров, так что при стартовой дальности в десять метров он теперь работал на двадцать пять. Исцеление тоже чуть прокачал, хотя другие опции пока не открылись. А вот с безразмерным Хранилищем пока глухо: нечем его качать. К счастью, рядом море, оно поможет. Половину ночи на это потрачу. Хранилище – вещь нужная.

В госпитале я очнулся утром, обедал в штабе, а ужинал на лодке, туда горячий обед в термосах привезли. Через час начнёт темнеть, а до этого времени у меня обширные планы. Я встал, расправил покрывало на кровати, подошёл к столу и выдвинул оба встроенных ящика. В одном были письменные принадлежности, от тетрадок до пера и чернильницы, а в другом – пачки писем.

Письма я пока положил на стол и прошёл к шкафу. Открыл его и осмотрел содержимое. Бедно. Запасной комплект постельного белья, форма повседневная и парадная, кортик в ножнах, бумажная непочатая пачка патронов к пистолету. В постельном белье нашёл деньги. Сумма не такая и большая: если взять ещё те, что в портмоне, рублей сто пятьдесят будет. Похоже, лейтенант ещё тот транжира, в банке деньги не хранил, книжицу я не нашёл. Вот то, что нет гражданской одежды, меня расстроило. Ему, видимо, была не нужна, а мне как раз требуется, где нельзя формой светить.

Быстро собравшись и прихватив всю наличность, я проверил пистолет. Блеск, он даже не заряжен, пустой магазин. Хорошо запасной снаряжён, его и вставил в рукоятку. После этого я закрыл комнату и направился к выходу.

Народу во дворе оказалось много – куда больше, чем когда я пришёл. Детворы хватало, двое мужиков в военной форме – один моряк, другой армеец – сидели за столом с другими жильцами и, как я понял, играли в шашки. Мы кивнули друг другу. Я поблагодарил ту женщину, которая мне помогла найти мою комнату: мол, отлежался, лучше стало.

Покинув дворик, я уверенным шагом направился в сторону порта. Дорогу я запомнил, да тут и идти-то всего минут десять. На сегодня никаких покупок я не планировал: необходим чистый кач Хранилища, чтобы до начала войны успеть накачать его хотя бы до пяти тысяч кубов. Про Взор и не говорю, но его я и так качаю всё время, пока не сплю, а это где-то пятьдесят метров в день.

Что касается Исцеления, его можно качать, заживляя свои раны. Но специально себе их наносить я не хотел, хотя и подумывал об этом. Нет, самый минимум есть, пока хватит, а дальше война, там быстро накачаю: опыт прошлой жизни показывает, что так и будет.

А вот по поводу Хранилища у меня есть некоторые мысли. Дело в том, что я убираю внутрь куда больше по размеру вещей, чем оно показывает в кубах. Я знаю, что вещи уменьшаются, так что тут ответ у меня такой: видимо куб у святош – это куда больший объём, чем куб на Земле. Разные размеры, оттого я и путаюсь. Поэтому только практикуясь с Хранилищем, я на месте смогу узнать, войдёт очередной трофей внутрь или нет. На кубы можно не смотреть, они врут в большую величину, это я уже точно определил.

Уйдя в сторону от порта, туда, где находились пристани для рыбаков, а также небольшая пристань местного клуба парусного спорта, я стал искать главного. Народу хватало, многие подводили лодки, яхточки и баркасы к пристани. Видимо, под парусом ходили; как я посмотрю, немало любителей этого спорта.

Я нашёл местного начальника и объяснил ему, что хочу купить морскую лодку. Я тут и катера моторные видел, но они не про меня: мало того, что денег таких у меня нет, так ещё и особое разрешение на их владение требуется. Мне бы обычную вёсельную лодку.

Мне быстро нашли нужное, у них в клубе продавались три такие лодки. Я купил ту, что побольше. Она стоила мне сто сорок рублей, но была неплоха, с высокими бортами. Я получил справку на владение лодкой и два весла в комплекте. Сказал главе клуба, что хочу лодку на ходу попробовать, и мне её спустили на воду.

Быстро стемнело. Я отошёл от пристани метров на двести, неловко работая вёслами, – как бы это не заметили, силуэт лодки с берега видно – и стал качать Хранилище, опустив в воду левую руку. До трёх утра я этим занимался, но накачал неплохо: теперь Хранилище не сто кубов вмещает, а сто восемьдесят три.

Вернувшись на берег, я убрал лодку в Хранилище и направился к своей комнате. На место службы, к стоянке субмарины, я должен прибыть в восемь утра. Надеюсь, не проспю, потому как будильника в комнате я не нашёл.

Подумав, решил ночевать на лодке, там точно не проспю. Пройдя на территорию базы, вытерпел две проверки и оказался на борту лодки. Вахтенный клевал носом, но сразу проснулся при моём появлении. Стараясь никого не разбудить, я, раздевшись, занял свою койку и вскоре уснул. Что-то я устал. Меньше суток в этом теле, но быстро устаю. Надо бы серьёзно телом заняться, что-то слабое оно у меня по сравнению с прошлым – вот уж где был качок.

* * *

Следующие недели пролетели очень быстро. Я практически не покидал порт, лишь раз заглянул в комнату Мальцева, забрал личные вещи и форму. Посещал флотскую баню с командой. Потихоньку вот так втягивался.

Было два учебных выхода, во время которых я передавал командование старпому, объясняя это тем, что ему нужно набираться опыта в командовании и управлении лодкой, а сам наблюдал и всё запоминал, особенно термины. Их тут много и у каждого своя специфика.

Однако дело сделано: лодку я отлично узнал, как ею управлять тоже. Всё же девять учебных погружений, хотя и в местной луже, как называли Рижский залив. Четыре раза погружениями командовал сам, и вроде неплохо вышло, особых возражений не было.

Сама лодка неплоха, хотя и очень тесная. Дизель починили, пока больше не выходил из строя. Мелкие поломки были, но для новой лодки это нормально, устраняли по ходу дела.

Пока что ни у кого не возникло сомнений в том, что я Мальцев, хотя некоторые странности в моём поведении заметили. Изменились походка и речь, и поначалу я не всех узнавал. Но со временем освоился и теперь даже почерк Мальцева умело копирую.

Итак, сегодня утро двадцатого июня, и дел невпроворот. Завтра учебный выход, на трое суток выходим. Задача – дойти до точки, сутки там патрулировать и вернуться назад. Двигаться всё время придётся вблизи берега: так маршрут проложен. А вообще, мне нравится, что лодки не стоят на базах, что команды тренируются пусть в учебных, но походах. Теперь я отлично знал, кто из команды что может и умеет. Несколько палубных матросов поменял местами, поставив их на посты, где они будут более ценны. Но это ладно. Интересно, конечно, однако есть другие дела.

Если в Исцелении у меня сдвигов нет (так, слегка прокачал, исцеляя пальцы, поломанные захлопнувшейся крышкой, но следующая опция при этом не открылась), то два других умения вполне прокачаны.

Взор – тысяча девятьсот двенадцать метров на данный момент. Вы даже не представляете себе, как эта опция помогает при слепом управлении субмариной под водой, особенно с малыми глубинами залива. Ни одного удара о дно, что вообще-то редкость.

По Хранилищу успехи куда больше, его объём теперь четыре тысячи триста девяносто шесть метров. Про пять тысяч кубов к моменту начала войны я всё же хватил лишку, но и это немало. Тем более что времени, чтобы качать Хранилище, у меня было не так и много. Приходилось работать ночами, из-за чего я адски не высыпался, да днём, изображая любителя купаться. А водичка тут не тёплая, это не Чёрное море – север. Однако накачал.

Покупок в магазинах и на рынке я не совершал; в Хранилище на сегодняшний день находятся, кроме личных вещей из комнаты, моя шлюпка да ценности из трёх схронов, которые я однажды ночью вскрыл тайком на чердаках разных домов. Продать их я пока не успел, а нужно ещё купить гражданскую одежду и продовольствие на местном рынке. Как раз этим я и буду заниматься ближайшие два дня, пока не наступит точка «ноль» – начало отсчёта.

Кстати, тренировки я и тут не забросил: активно занимался бегом и боксом, среди матросов нашёл ещё двоих, и мы вечерами боксировали на пирсе. Командование дивизиона об этом узнало, через неделю будут соревнования, а поскольку я отправил в нокаут их чемпиона, то меня записали участником. Но я-то знаю: через два дня будет уже не до соревнований.

Однако вмешалась судьба, явно собираясь испортить все мои планы. Прибежал посыльный: на проходной меня ждёт девушка. И кажется, я догадываюсь, кто это – девушка прошлого хозяина моего тела.

Отпустив посыльного, я быстро собрался и, покинув лодку, уверенным шагом направился к проходной. Дежурный командир предупреждён, что меня сегодня не будет: ночью в своей комнате. Да и всех командиров, кроме дежурного, я отпустил к семьям, благо пока объявления боевой тревоги по флоту не было. Помнится, её объявят в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня. Морячок в госпитале, в прошлой жизни, об этом рассказывал.

В общем, планов у меня было много, и я уже успел забыть о девушке Мальцева и из-за чего лейтенант в госпиталь попал, а тут мне об этом напомнили. Но планы менять я не собирался.

Оказалось, Мальцев не был сиротой, семья у него имелась, и немалая: родители, младший брат с сестрицей, бабушки, дяди и тётки с их детьми. В общем, народу немало. Большая часть жила в Ленинграде, включая родителей и брата с

сестрой. Отец – крупный инженер-кораблестроитель, работает, правда, на судоремонтном заводе. Мать – учительница английского языка.

Мальцев владел английским практически в совершенстве, что меня порадовало: есть на что списать знание языков. Как бы теперь объяснить ещё знание немецкого, французского, японского и итальянского? Да, кстати, за прошлую жизнь я итальянский ещё подтянул, общаясь с пленными: пытался убрать акцент, не смог, но говорил теперь свободно.

Родственникам я написал пять писем. Свидеться за этот месяц не удалось: отписывался тем, что работы по службе много, отдыхать некогда. Надеюсь, поймут. Сам я тоже писем немало получил – одиннадцать штук. Выяснил, что брат в девятом классе учится, а сестрица ещё маленькая, во второй ходит. Я дал себе слово постараться, даже если город попадёт в блокаду, не допустить гибель жителей от голода. Этим и собирался заняться.

Быстрым шагом добравшись до проходной, я с интересом посмотрел на ожидавшую меня девушку. М-да, а у Мальцева губа не дура, я бы тоже на такую запал, девушка в моём вкусе. Жгучая брюнетка с косой до попы и просто восхитительной юной фигуркой. Думаю, ей около двадцати. Её звали Ингой.

Серёжки в тон зелёным глазам, которые я бы назвал омутами, белое платье, подобранное так, чтобы подчёркивать все идеальные изгибы фигуры, сумочка на локте и босоножки на прекрасных ногах – всё смотрелось на ней идеально. Даже одень её в рубище, она всё равно будет красавицей. Вроде Мэрилин Монро, которая снялась в мешке из-под картошки, ну, или ещё из-под чего, и всё равно была восхитительной. Так и тут. Вещей у неё не было, значит, не с поезда, где-то оставила, да и свежа была.

– Ваня. – Улыбнувшись, она подошла ко мне, вглядываясь в глаза.

– Здравствуй, Инга, – ответил я. Фотографии её я не нашёл, но это точно она, описание сходится.

Писем от неё за этот месяц не было, да и я ей не писал: просто не знал куда. Однако решения не изменил. Она девушка Мальцева, а не моя, для меня обуза: дел слишком много. Хотя конечно, когда я её увидел, сомневаться начал: а точно обуза?

Обниматься она не стала, на людях это неприлично; тут такие строгие нормы поведения, что даже за ручку ходить нельзя, могут заклевать: стыдобища, мол, развратничают. Однако я нарушил все эти нормы: обнял её крепко и впился в губы. Меня не остановило даже то, что на территорию въехала «эмка» командира нашего дивизиона.

Оторвавшись от податливых сладких губ, я быстро сказал:

– Извини, Инга, но нам придётся попрощаться. В воскресенье начнётся война, и скоро на город будут сброшены бомбы. Тебе нужно уехать, желательно сегодня же. Родственники где есть в глубине Союза?

– В Ленинграде только, – несколько растерянно ответила она.

– Уезжай. И ещё. Шансы, что я переживу эту войну, мизерны, поэтому моё слово таково: забудь про меня. Ты себе найдёшь мужчину и лучше. А сейчас извини, служба. И да, повторяюсь, уезжай сегодня же. Прощай.

Немного сумбурно получилось, на эмоциях: такая девушка не может не завести. Резко развернувшись на каблуках, я вернулся на территорию базы, проигнорировав большой палец начальника поста, одного со мной звания. О чём мы с Ингой шептались, он не слышал, но поцелуй видел.

Я направился к зданию штаба дивизиона; всё же хорошо, что он находился на территории базы, а не в городе, как другие службы флота, что расплодились в Риге. Из боевых частей флота только наш дивизион учебной бригады находился здесь на постоянной основе, остальные тыловики да зенитчики. Да и лодок всего шесть единиц, включая мою. Была ещё одна, довольно крупная субмарина типа «К», но она здесь находилась две недели на ремонте дизелей.

Добравшись до здания штаба, я прошёл внутрь, козырнул дежурному и, расписавшись в журнале, спросил:

– Командир у себя?

– Только что зашёл.

– Отлично. Сообщи, что я прошу о срочной личной встрече. И пусть начальник особого отдела будет, его это тоже касается.

– После поцелуя у ворот въезда на базу я ещё могу понять, зачем командир нужен – разрешение на свадьбу испросить. А особист-то тебе зачем?

– Пять минут прошло, КАК ты-то об этом узнал? – в недоумении развёл я руками.

Старлей-дежурный усмехнулся и пояснил:

– На то я и дежурный, чтобы про всё знать.

Потом он обзвонил все кабинеты, благо штаб у нас телефонизирован, что не всегда бывает, часто пользуются посыльными. Через пару минут, положив трубку на держатель, сказал мне:

– Командир ждёт. Начальника особого отдела нет, его зам подойдёт.

– Добро.

Я дождался особиста. Он был в военно-морской форме, но со звёздами политработника на рукавах – старший политрук. Поздоровавшись, я вместе с ним зашёл в кабинет к командиру.

Командир пригласил нас садиться, но я остался стоять у рабочего стола. То, что собирался им сообщить, я продумал ещё неделю назад. Теперь вся надежда на красноречие. Если не сработает основной вариант с командировкой, есть запасной с прошением отпуска.

– Товарищи командиры, то, что я вам сейчас сообщу, не должно покинуть стены этого кабинета. Информация относится к разряду совершенно секретной, но в данном случае у меня есть разрешение озвучить её. Полтора месяца назад я был завербован и поступил на службу в секретную часть, которую создал лично товарищ Сталин. Под видом интендантских частей были созданы группы осназа – террор-группы, как их называют. Сами они называют себя боевыми интендантами.

У каждого округа или флота свои террор-группы. Их задачи я вам сообщать не буду, информация секретная. У Балтийского флота также есть террор-группы, и я являюсь их куратором. Командующий флотом, да и никто из командиров флота, о них не знает, и не должны узнать до начала войны. Группы подчиняются лично товарищу Сталину, а я курирую часть из них.

Задача моих групп – работа на побережье, захват или уничтожение кораблей и баз противника. Именно поэтому и потребовался командир-подводник. Именно подводник. Сами понимаете, для чего им нужна субмарина. Было несколько кандидатов на должность кураторов, с крупными субмаринами крейсерского класса. Но после прохождения тестов и заключения психолога остальные отсеялись, и остался я. Правда, лодка у меня малая, не совсем подходит для будущих дел.

Сегодня поступило сообщение. В это воскресенье, в три часа сорок пять минут утра, немецкие войска вторгнутся на территорию Советского Союза. Это не провокация и не вооружённый конфликт – это война. Мне было приказано немедленно вылететь в Минск, где действуют курируемые мной группы капитана Таллина и старших лейтенантов Сувалки и Гродно. Как вы понимаете, фамилии командиров групп не настоящие, псевдонимы являются названиями советских населённых пунктов.

В тылах наших войск уже начали работать диверсионные группы полка «Бранденбург», одетые в форму командиров РККА и НКВД. Они уничтожают наших командиров и небольшие армейские подразделения, режут связь и вносят сумятицу. В момент нападения их задача – захватывать и удерживать стратегические мосты.

Моим группам приказано уничтожать диверсантов, а после начала войны уйти в тыл к немцам и начать работу на их коммуникациях. В первое время я должен быть с ними, курировать на месте. Поэтому, товарищ капитан второго ранга, прошу отпустить меня в командировку на два месяца. Моей лодкой пока покомандует зам, он вполне справный командир.

– Лейтенант, что за бред? – поинтересовался особист. – У вас есть доказательства ваших слов?

- Никаких. Более того, если это всё выйдет за пределы кабинета, я буду утверждать, что ничего не сообщал и вы бредите. Правда, предупреждаю сразу: будет утечка информации – вы исчезнете. Это не угроза, меня об этом тоже предупредили, но в данном случае было разрешено раскрыть часть информации.

- Мальцев, я не могу отпустить тебя без приказа, да ещё в командировку непонятно куда. Если эта служба, о которой ты говоришь, действительно существует, она должна была позаботиться о том, чтобы выдать тебе необходимые документы.

- Этой службы официально не существует, товарищ капитан третьего ранга, и так будет до начала войны. Скрывать это дальше нет смысла. Я понимаю вас, поэтому раз основной план с командировкой не сработал, перехожу к запасному. Это мой рапорт с просьбой снять меня с командования лодкой и предоставить мне два месяца отпуска по служебным делам, второй за свой счёт.

- По служебным делам? – удивился капитан.

- Я в курсе, что вы планировали на мою лодку другого командира, но командующий флотом поставил меня. Поэтому вы меня и недолюбливаете, да и другие командиры дивизиона тоже считают выскочкой. Не буду оправдываться, так и есть. Поэтому и предлагаю договориться. Вы снимете меня с командования лодкой, поставите временно исполняющим обязанности командира субмарины, до утверждения командующим, своего человека, которого хотели, а я отправлюсь к границе.

Капитан молча снял трубку и вызвал секретный отдел. Прибывшему командиру приказал оформить всё максимально быстро. Видимо, сделка его устроила.

А для моих планов такая малая субмарина действительно не годилась, она послужила для меня учебным пособием, а планировал я добыть себе более крупную лодку. Именно добыть – немецкую. До этого я не обращал внимания на флот Третьего рейха, пора исправить эту ошибку.

Меня сняли с командования лодкой и дали два месяца отпуска. После его окончания я должен был прибыть в штаб флота за новым назначением. Из дивизиона меня, так сказать, выпроваживали: вывели из списков личного состава.

Передав лодку преемнику и забрав личные вещи, я покинул территорию базы, сдав на выходе пропуск. Отпускные документы были при мне. На машине, выделенной мне командиром дивизиона, я отправился на военный аэродром. С него как раз летел борт на Минск, и была договорённость, что меня подкинут.

В три часа дня устаревший тяжёлый бомбардировщик, переделанный в транспортник, оторвался от полосы и, нутужно гудя моторами, начал карабкаться на высоту. Я сидел на лавке с чемоданчиком личных вещей в ногах, слегка трясясь – боязнь высоты никуда не делась, – и прикидывал, как всё прошло.

В принципе, ожидаемо. Это как же обрадовался командир дивизиона моему рапорту, что так быстро всё провернул, заставив работать штаб. Ведь дел со сдачей лодки немало, тут и секретной части работа – принять обратно секретные документы, выписки получить. И всё это успели к обеду сделать. Считаю, повезло, но всё же показательно, как комдив желал от меня избавиться. Мальцев в дивизионе не то чтобы белая ворона, но недолюбливали его, как выскочку и варяга.

А причины такого моего поступка были веские. Ну никак не смог бы я набить закрома Хранилища припасами и оружием, находясь привязанным к лодке и Риге. Командировку мне вполне могли бы сделать, но не удалось уговорить, а вот на сделку в виде снятия с командования лодкой согласились легко. Потому и оформили отпуск так быстро, хотя он и великоват – два месяца. А в случае войны и вовсе будет аннулирован. Ладно хоть будет чем прикрыть зад, когда вернусь. Через два месяца.

А теперь будем набивать закрома. Оружием для обороны Ленинграда и продовольствием, там оно потребуется. Если блокада будет, без запасов никуда. Продовольствие буду брать и у наших, и у немцев, опустошая склады. Где-то семьдесят процентов составят припасы, а остальное – вооружение, включая бронетехнику и авиацию. Топливом тоже стоит запастись.

А Белоруссию я выбрал по той причине, что знаю, где там находятся склады и куда немцы стаскивают трофейное советское вооружение. Сколько времени сэкономлю на этом знании. В общем, планов много, а в Минске будет видно. Кстати, стоит узнать: молотобоец Максим, телом которого я в прошлой жизни пользовался, жив или нет? Если да, то состоялась ли его свадьба с Нюрой или

нет? Но это так, чистое любопытство.

Полёт занял чуть больше часа, и в полпятого борт приземлился на взлётной полосе военного аэродрома. Я попрощался с лётчиками, отдарившись черноморским вином: один из командиров, вернувшийся из отпуска, проведённого на черноморском побережье, много чего привёз. Покинуть территорию аэродрома удалось быстро, хотя в журнал прибывших меня всё же внесли.

На автобусе я доехал до города, до него километров семь было. В гостиницу заселяться не стал, решил переночевать на берегу. Деньги были – отпускные получил, – так что пошёл закупаться.

Колхозный рынок уже закрывался, поэтому гражданскую одежду решил купить завтра. Зашёл в магазин для туристов, рыболовов и охотников; хорошо, что он до семи вечера работал, всё успел приобрести. Купил отличную палатку и даже спальник, а это редкая вещь. Горный вариант, для скалолазов; к сожалению, он был в одном экземпляре. Кроме этого я приобрёл снасти, котелок и всё, что нужно для отдыха на природе. А чуть позже убрал покупки в Хранилище.

Потом на такси выехал за город и остановился на берегу реки, где и разбил лагерь. А когда стемнело, я вернулся в город и до полуночи прибирал те схроны, о которых знал, включая тот, где были советские деньги с действующими банкнотами. В час ночи закончил. После этого вернулся в лагерь и поставил будильник на шесть утра.

Ночь прошла просто замечательно, выспался отлично, никто мне не мешал. Охранный контур не потревожили, хотя я и сузил его до ста метров: не хотел, чтобы кто-нибудь случайно задел, а дистанция в сто метров уже заставляет беспокоиться, кто это там шастает у места моей ночёвки. Быстро умывшись и искупавшись, я свернул лагерь, убрав всё в Хранилище, и направился к городу.

Рынок уже работал, я приобрёл там одежду и переоделся под обычного горожанина, а дальше действовал по уже разработанному и испытанному ранее плану. Пообщался с деревенскими и местными перекупщиками на рынке, информация от них дальше разошлась, а я тем временем арендовал склад и стал скупать всё, что мне подвозили. До самого вечера этим занимался.

В прошлой жизни мне такие закупки ой как помогли, а в этот раз я закупился даже больше: одних куриных яиц было не меньше десяти тысяч. Кстати, тех воров с мешками риса на грузовике в этот раз не было, а вот охватывающая склады цепь сотрудников милиции была. Ушёл тем же способом.

Потом был рейд по самому рынку. Палатки, ковры и ту медвежью шкуру, которой я пользовался до самой гибели в прошлом теле, снова приобрёл: вещи классные. В общем, много чего купил. Потом по чебуречным и столовым пробежался, скупая пироги и пирожки, кондитерские изделия, молоко и сметану в бидонах, сливочное масло. И так до самой темноты.

Мотоцикл приобрёл у того же парня, только оформлять на этот раз не стали, я лишь получил от владельца бумагу о продаже. И когда стемнело, покатыл в сторону Белостока. Ехал не спеша, торопиться мне было ни к чему, всё равно несколько дней ждать придётся. В пути дважды наткнулся на диверсантов, изображавших посты на дороге; я их положил и прибрал трофеи. Самое ценное – это три пистолета «Вальтер» с глушителем, остальное уже сверху шло. И действительно ждал.

Дальше всё шло без особых изменений: я набивал закрома, чистил наши бывшие армейские склады, перешедшие к немцам, и пункты сбора вооружения и припасов. Анну спас, как и в прошлый раз: пожалел её снова.

Изменения начались при встрече с группой окруженцев, с которыми я в прошлый раз выходил к своим; среди них ещё был генерал, замаскированный под капитана-артиллериста. В этот раз я вышел к ним в своей военно-морской форме, представился, пояснил, что курирую группы осназа, и, проведя их через кордоны, подарил им самолёт, трофейный транспортный «юнкерс». В группе были лётчики с майором во главе, те самые, из дальней бомбардировочной. Все набились в салон – еле места хватило – и улетели.

А я пристроился к немецкой колонне и метнулся к тем складам, где на хранении стояли Т-28. И на этом, можно считать, схожесть с прошлой историей закончилась.

На все дела у меня ушёл месяц. Хранилище заполнено на девяносто восемь процентов, причём всё это время я продолжал его качать, оно уже пять с половиной тысяч кубов вмещало. Трофеев набрал больше, чем в прошлый раз, да

и немцев пограбил изрядно. Продовольствием Хранилище заполнено на шестьдесят процентов – чуть меньше, чем я планировал, но этого хватит, чтобы пару лет кормить Ленинград в блокаде, так что нормально запасся.

Танки со складов также убрал в Хранилище. Мне лично Т-28 очень нравились, несмотря на многие их недостатки вроде слабой брони: против пехоты лучше ничего нет. Я опустошил и пакгаузы, забрав запчасти к танкам, снаряды и запасы топлива.

Отошёл от опустошённых складов и достал самолёт – немецкий «шторх» встал рядом. Вслед за самолётом достал и пилота, немца. Я взял его в плен для того, чтобы он возил меня: сам-то пилотировать я не умел и учиться не собирался, как-то не моё. А немец в качестве пилота уже не раз забрасывал меня на территорию Украины за трофеями и после доставлял обратно.

Вот и в этот раз немец устроился в кресле пилота, а я сел за ним, держа пистолет в руке. Последовал взлёт, и мы полетели на максимальную дальность в сторону границы. До Буга долетим, но не дальше: топлива не хватит, да и светать начнёт, время уже два часа ночи. Но мне нужно было перебраться в Германию. Страшно было – жуть. Но я загнал свою фобию вглубь и спокойно переждал полёт.

Чтобы немного отвлечься, поинтересовался у пилота:

– Лейтенант, ты как, есть хочешь?

– Да, хочу.

В плен он попал две недели назад и почти всё это время находился в Хранилище. Вообще, время, проведённое в Хранилище, для него мгновения, а вот во время полётов на Украину, туда и обратно, да с дозаправками, немец находился вне его, и получается, что он почти сутки не ел. Так что я настрогал ему бутербродов и налил в кружку горячего чаю, он и поел, пока мы летели.

К слову, в Хранилище у меня, кроме всего прочего, находилось ещё полторы тысячи раненых советских воинов плюс два десятка медперсонала, которых я насобирав, пока по тылам шарился. Передам их, когда вернусь к нашим.

Как ни странно, но нам хватило топлива практически до окраин оккупированного Белостока. Самолёт благополучно сел на лесную дорогу, потрясло, конечно, но обошлось без аварий. Я дал немцу сходить в кусты и отправил его в Хранилище, хотя понимал, что летуну нужно выспаться: он засыпал на ходу.

Я сам заправил самолёт: просто забрался на крыло, открыл горловину и, приставив ладонь, выпустил мощную струю авиационного бензина, заполнив таким образом бак. Закрыв горловину и убрав самолёт в Хранилище. Всё это я проделывал уже не в первый раз, какой-никакой опыт имелся.

Уже светало. Сойдя с дороги, я пробежался с километр до берега мелкой речушки, где и устроился на днёвку. Хорошенько накупался и смыл с себя пот. Я собирался посетить базы военного флота Германии с целью утащить что-нибудь целое. Место в Хранилище имеется, одна субмарина, та же «семёрка», точно войдёт. Кроме того, я продолжал качать Хранилище: мало ли что ещё интересное будет. Всё же я флотский.

Уже засыпая, я подумал, что здесь информация о боевых интендантах будет расходиться быстрее, чем в прошлой жизни: свидетелей много оставлял. И вообще, тут история может по-другому пойти, да и уже идёт. Например, Максим Гусаров, комсорг и молотобоец сталелитейного завода в Минске, здесь погиб от обширного кровоизлияния в мозг после получения травмы на рабочем месте. Вот так вот.

Помимо сбора складов и вооружения я, в своей форме морского лейтенанта, общался с окруженцами, предъявляя документы их командирам, помогая им с припасами и продовольствием, заодно рассказывая о боевых интендантах. Потому и думаю, что информация должна расходиться.

Кроме того, я освободил больше двух десятков небольших – до тысячи человек – лагерей военнопленных, из них шесть были командирские. Им я тоже представлялся как куратор террор-групп. Если кто до наших доберётся – а я их хорошо снарядил, – точно об этом расскажут.

Это необходимо, потому что иначе мне не объяснить, как на территории блокадного Ленинграда может оказаться столько продовольствия и вооружения. А на этих мифических боевых интендантов, которых люди в скором времени

наделят сверхъестественными способностями, можно будет списать всё что угодно. В прошлой жизни это сработало, почему сейчас не сработает?

* * *

Выспался я отлично, встал ещё засветло, время было три часа дня. Отдохнул великолепно. Как стемнеет, дальше полечу. А пока достал из Хранилища лейтенанта, бросил чуть в стороне пару одеял и велел ему лезть в речку, а потом спать. Искупавшись, немец развесил мокрую форму и вскоре вырубился на подстилке. Пусть отдохнёт, не хочу попасть в аварию, если он заснёт в полёте.

Сам я был в новеньком комбинезоне советского танкиста, только тельник видно в ворота. На голове красноармейская пилотка, на ногах – сапоги. Вооружён пистолетом и пистолетом-пулемётом: выбрал наш ППД с рожковыми магазинами. Свою форму лейтенанта я надевал, только общаясь с освобождёнными военнопленными или окруженцами, а потом снова убирал, чтобы её хватило как можно дольше.

Я подумал: время есть, занять себя чем-то надо, почему бы не приготовить еды, чтобы надолго хватило? Достал две полевые кухни, помыл их и, залив воды, разжёл топки. Это были немецкие полевые кухни на деревянных колёсах, их должны буксировать лошади. Кухни были одной модели, с двумя котлами.

И вот в одном котле первой кухни я готовил молочную рисовую кашу, используя для этого десять процентов своих запасов молока из Хранилища и немного сливочного масла, а во втором котле – компот из сухофруктов. В первом котле второй кухни варил гороховую похлёбку, для которой только что закончил чистить картошку, а во втором – промытую гречку, которую потом заправлю тушёной. Вполне гармонично получалось.

Кто бы знал, как я устал один носиться между котлами! Без помощников тут очень трудно. Теперь я понимал, как тяжело поварам. Адова работа! Тем более, у меня привычки и опыта такой работы не было. Одно радовало – всё сделал наконец. Пробы сняты, топки погашены. Я так устал, что убрал кухни в Хранилище как есть, хотя хотел по котелкам всё разлить. Потом сделаю, сейчас сил нет. Надо ведь ещё дать чуток остыть блюдам, кипятков тоже есть не хочется.

Вот-вот должно было стемнеть. Я искупался и переоделся в форму немецкого офицера, лейтенанта. У меня были документы на адъютанта командира одной из танковых дивизий СС. Буду изображать курьера с особыми полномочиями. Это на всякий случай, особо к немцам я выходить не собирался, но мало ли что.

Разбудив лейтенанта, я подождал, пока он оденется. Бежать немец не пробовал, да и я отслеживал его Взором, хотя визуально особо за ним не следил. Уже стемнело, мы вернулись к дороге, и я достал из Хранилища самолёт. Устроились в салоне и, взлетев, полетели дальше, я был за штурмана. Дальность полёта самолёта – четыреста десять километров, здесь бак чуть больше имелся. С дозаправкой, на крохах бензина мы долетели до немецкого города Любек.

Я подумывал заглянуть в Щецин, город-порт, который остался у нас по правому борту, но прикинув, решил, что вряд ли найду там что-то интересное для себя. Вообще, нужно добраться до атлантического берега, где имеются базы подлодок кригсмарине, основной состав находится там. А в Балтийской луже – разная мелочь, малые подлодки вроде моей «Малютки», командование над которой я недавно сдал. Нет, наверняка и средние есть, но немного, и вряд ли лучшие: всё новое идёт в части, которые воюют в Атлантике, над которой сейчас пытаются взять господство англичане и немцы.

В Любеке я планировал пополнить запасы топлива (по информации, полученной разведкой флота, там сосредоточены неплохие резервы), взять запасы торпед для немецких подводных лодок, может запчасти, ну и пару «шнелльботов». Я читал сводки (до меня их доводили как до командира боевого корабля), так что более-менее был в курсе, где что сосредоточено. Сейчас-то, понятное дело, многие базы перекинули ближе к фронту, в захваченные советские портовые города (Ригу вот захватили), но вряд ли немцы сосредоточили там боевые корабли: слишком близко к фронту. Разве что лёгкие силы вроде торпедных катеров или сторожевиков с небольшими тральщиками.

При дозаправке я заправлял самолёт без подстраховки, не убирая лейтенанта: всё равно планировал свидетеля на тот свет отправить. Слил топливо из Хранилища в бак до полного, и мы полетели дальше. На место прибыли ещё затемно, было три часа ночи. Я снова заправил самолёт, отправил его в Хранилище вместе с пилотом и задумался что делать. До города километров пять, велосипедов у меня штук двести, в основном трофейные, такой транспорт немцы довольно масштабно используют; до рассвета два с половиной часа, доеду быстро и бесшумно. Вот я и думал, как поступить.

Махнув рукой, решил качать Хранилище и до рассвета занимался тем, что доставал часть груза из Хранилища и убирал его. За четыре часа, прихватив и светлое время суток, я накачал восемь кубов. Ну вот, теперь для одного «шнелльбота» место точно есть, а это машинки хорошие, скоростные, на них можно удрать от любого. Ну, кроме авиации, но и от них есть чем отбиться. Штука интересная и нужная.

После проведённой работы я переоделся в гражданскую одежду. Пусть пошита она советскими портными, другой всё равно нет, да и мало чем отличается она от местной, только специалист разберётся. Но я всё же собирался посетить местный рынок, ну или где там одежда подержанная продаётся? Покатил на велосипеде к городу. Особо внимания не привлекал: едет молодой парень, в куртке, кепке, велосипед вполне себе немецкий. Странно, что не в армии, но можно отговориться, например тем, что у меня один глаз не видит.

В город въехал благополучно. Пост на въезде был – с пяток солдат при унтере, шлагбаум и пулемётное гнездо, – но меня даже не досмотрели. Остановили, унтер спросил, почему не в армии, и, узнав, что я слеп на один глаз, велел проезжать. За документы у меня сошла бутылка самогона, которую я достал из вещмешка. Да и не было у меня документов, лишь справка из госпиталя о ранении в лицо одного рядового вермахта – как-то досталась мне по случаю. Но вряд ли бы она прошла, на крайний случай приготовил. Вообще, трофейных документов хватало, но всё военнослужащих, а тут списание по ранению.

От поста я покатил к порту, а тут раз – и рынок. Всё-таки у немцев они тоже есть, тем более не первый год воюют, дефицит разных товаров имеется, вот и образуются такие рынки. Этот не стихийный – специальная площадка с крытыми прилавками. Я заехал в подворотню между двумя большими многоквартирными домами из красного кирпича, убрал велосипед и направился к рынку. Там быстро сменил одежду на местную, переодевшись за прилавком, в закутке, служившем примерочной. Свои вещи убрал в Хранилище.

И уже под видом местного стал закупаться, первым делом приобретаю самодельный вещмешок. Тут было множество колбас, сосисок, свиных рулек в пиве, окороков и тому подобного. Вот это всё я и скупал, благо денег была прорва – два миллиона рейхсмарок, взятые трофеями в кассах разных немецких частей. Покупки убирал в мешок, а из него – в Хранилище. Так и ходил пару часов, пока не опустошил все ряды, даже внимание к себе привлёк, поэтому

пришлось покинуть рынок и направиться в порт. Но сначала я посетил парикмахера, который меня ещё и побрил, а потом пообедал в кафе, где купил большую партию круассанов на вынос.

Я порадовался свежим закупкам: в Союзе сосисок днём с огнём не найти, с колбасами чуть лучше, но и с ними как повезёт, а тут такое разнообразие. Я у некоторых торговцев почти весь товар скупил; если мне одному, то на несколько лет хватит. Пироги тут были, но мало (пять с крыжовником взял), в основном одни пирожки. Сладкие пудинги тоже брал, да и всё мучное и печёное постарался выкупить: штоллены, кексы, штрудели, песочное печенье. Купил также несколько бочонков с пивом. А вообще, немецкая кухня довольно разнообразна.

Пообедав, я дошёл до порта и прогулялся по набережной. Военных было много, не раз встречались и в военно-морской форме. Заметил также, что на набережной немало кафе. Вот я дурень: надо было тут обедать, заодно бы изучил акваторию. Вон отсюда пару тральщиков видно и эсминец. Если ещё есть, то у пристани пришвартованы, отсюда не рассмотреть. На данный момент я накачал Взор уже на три тысячи шестьсот сорок два метра. Три опции были открыты: «ночное зрение», «дальний взор» и «дальний голос». Теперь я мог зависнуть над акваторией как бы в наведении и осмотреться.

Этим я и решил заняться. Приметил кафе, осмотрел себя – да, не с моим рылом в нём сидеть, в одежде простого рабочего. Поэтому просто отошёл к перилам, облокотился на них и, чуть прикрыв глаза, использовал Взор. Так, вот эсминец, видно, что старый, на угле, да и тральщики тоже. Стоят на выходе, видимо охраняют порт. У пристани – длинная сигара подводной лодки. Обалдеть, а что тут «девятка» делает? Это же большая океанская лодка, густо накрытая маскировочными сетями.

Я внимательно изучил работы, ведущиеся на лодке, – а там погрузка шла, и ящики явно тяжёлые, – и охрану из войск СС. Как интересно. А не золото ли там? Очень похоже, не зря же так лодку замаскировали. Думаю, она уйдёт, как только стемнеет, днём они вряд ли рискнут, разве что в сопровождении эсминца и тральщика.

Закончив наблюдение за этой лодкой и всё ещё длившейся погрузкой, я продолжил изучение акватории. Ага, две субмарины малого типа, а в доке стоит на ремонте ещё один эсминец, похоже мазутный. «Шнелльботы» были, но всего

три единицы. Кроме того, я насчитал шесть сторожевых боевых кораблей: два малых и четыре крупных. Потом три гидросамолёта на поплавках, видимо патрульные; там же, у стоянки, их база с топливным терминалом.

Помимо военных кораблей были и гражданские в количестве восемнадцати штук. Крупные суда меня не интересовали (похоже, конвой пришёл из Швеции, нейтралы хреновы, их флаги были; наверняка оба тральщика и эсминец сопровождали их сюда), а вот частные прогулочные катера, даже небольшие яхты – это интересно. Теперь стоит прикинуть, что брать. Ладно, ночью решу по тому, что останется. А пока стоит найти место, где можно выспаться, чтобы с наступлением темноты спокойно поработать.

Найти ночлег удалось быстро. У женщины, сдававшей комнаты, я снял одну, объяснив, что всю ночь разгружал судно и хочу выспаться, потому что следующей ночью новый аврал. Хозяйка выдала мне полотенце, я принял душ (горячая вода была) и отправился отдыхать. В два часа дня я уже крепко спал.

* * *

Хозяйка разбудила меня в девять вечера, как и договорились. Уже начинало темнеть. Покинув номер, я поужинал внизу, в кафе, и снова заказал большую партию пирожных на вынос. Пока ужинал, осмотрелся. «Девятки» уже не было, грузовые суда стояли на разгрузке, в остальном всё как и было. Даже если на судне было золото, то меня это не особо волновало: хомяком тоже нужно быть в меру. Тем более золота у меня и так хватало, с трофеями взял: сперва немцы у наших, потом я у немцев.

После этого я пошёл на дело. Сначала посетил стоянку яхт. Выбирал недолго, взял один скоростной моторный катер с двумя каютами и закрытой рубкой. У него должна быть отличная мореходность. Видимо, хозяин для рыбалки его использовал: внутри снастей хватало. Взял также небольшую морскую яхту, моторную, в сто сорок тонн водоизмещением. Четыре каюты внутри, небольшой камбуз и кают-компания, палуба из досок красного дерева, борта высокие, так что и большие волны не страшны. Отличная вещь для прогулок на море.

Больше ничего интересного для себя я в яхт-клубе не нашёл: или большое было, или мне не годилось. Поэтому я отправился опустошать топливные терминалы, где взял дизтопливо, мазут на пару заправок эсминцу, бензин. Потом посетил

склад с продовольствием и, сняв часового, забрал всё, что было внутри.

После этого отправился на стоянку гидросамолётов. Если подумать, это вещь нужная, поэтому забрал и сами самолёты, и топливо к ним, и даже запчасти из находившегося рядом с ремонтной мастерской склада. После этого посетил стоянку «шнелльботов» и забрал два из них: третий был какой-то убитый да потасканный на вид. Взял и один малый сторожевик, на вид как новый. Я после проверил бумаги – действительно новый, едва месяц как в строй вошёл.

А чтобы всё это прибрать, пришлось на тот свет больше полутора сотен человек отправить. В основном работал ножом, но бывало и пистолетом, благо у немецких диверсантов из «Бранденбурга», с которыми мне не раз пришлось встречаться, было такое бесшумное оружие, как пистолеты с глушителями.

Когда я покидал город, в порту уже час как объявили тревогу, там взлетали осветительные ракеты: обнаружили первых убитых и пропажи. Однако мне удалось уйти километров на пять от города и затаиться в овраге. К тому времени уже рассвело, много времени потратил на добычу и сбор трофеев, так что придётся тут передневать. Следы свои я посыпал спецсредством, а то немцы и собачек по ним могли пустить, вполне в их духе.

Спать особо не хотелось, поэтому я начал качать Хранилище, доставая все имеющиеся у меня в наличии танки КВ и убирая их обратно, и так по кругу. Дело в том, что Хранилище у меня было загружено на сто процентов, а мне ещё подлодку нужно будет туда убрать. Малую как-то не хочется, а вот среднюю вполне, причём желательно новую. Одна из верфей, где спускают такие лодки, находится в Гамбурге, вот я и хочу выследить такую лодку после заводских ходовых испытаний и угнать её перед передачей команде.

А ведь помимо лодки нужно иметь запас торпед к её аппаратам и снаряды к пушкам, что к орудию, что к зенитным, а это всё тоже требует места. Поэтому в ближайшую пару недель качаем Хранилище и создаём свободное пространство. За это время я как раз доберусь до Гамбурга и начну выслеживать лодку. Добираться буду воздухом, благо личный лётчик имеется. А пока – качаем, качаем Хранилище.

Когда я угоню субмарину и сделаю запасы для её эксплуатации, включая запчасти, то немедленно возвращаюсь к нашим, в Ленинград. Уже пора. Июль

подходит к концу, пора прибыть в штаб флота для получения следующего назначения.

Так я и возился до обеда. Одиннадцать кубов накачал – пусть немного, но уже неплохо. После этого я покинул овраг, изрытый вмятинами от гусениц тяжёлых танков, нашёл кустарник и там передневал, хорошо выспавшись.

А как только стемнело, достал свой велосипед и покатил к Гамбургу. Я посмотрел по лётным картам, которые мне удалось достать, и выяснил, что до него чуть меньше семидесяти километров будет. Шуметь мотором «шторьха» не хотелось: думаю, немцы уже заметили одиночный самолёт, которого не было в списках полётов на это время, и плотно стерегут небо. Может, у меня паранойя разыгралась, но я решил пока не летать.

* * *

Несмотря на то что до Гамбурга было не так и далеко, – за пару дней можно было не спеша доехать, – я добрался до его окраин только через одиннадцать дней. Почему? Да обнаружил просто отличное место, лесок с поляной в центре, где можно было пожить вдали от местного населения. Я раскинул на поляне сигнальный контур Взора и качал там Хранилище. Помимо этого наполнил помытые котелки приготовленными ранее на немецких полевых кухнях блюдами. Конечно, не всё из котлов ушло, где-то по трети, остальное оставил на будущее.

Подумав, я достал ещё шесть полевых армейских кухонь, что немецких, что наших, и одну походную хлебопекарню, тоже нашу, отбитую у немцев, и приготовил в их котлах разные блюда, постепенно приобретая нужный опыт. Лейтенанта достал, накормил, дал отдохнуть и выспаться, после чего убрал его обратно, свежего, отдохнувшего и готового к работе.

Активно налегая на кач, я смог увеличить Хранилище до шести тысяч ста тридцати двух кубов. Теперь его размер был даже больше, чем в прошлом мире. Но там мне особо и не нужен был такой большой объём, а тут требуется. В общем, за эти одиннадцать дней, за вычетом двух, потраченных на готовку, я накачал где-то шестьсот кубов. В принципе, солидно. Для лодки и запасов к ней уже хватает, пусть и впритык. К тому же кач я прекращать не собирался.

В этот раз я не рисковал, подъехал к окраине ночью. В город въезжать не стал, а объехал его и, налегая на педали, выехал к обрывистому берегу Эльбы. С помощью Взора я осмотрел и верфи, и причалы рядом. На стапелях стояли три корпуса, но готовых лодок я так и не нашёл, так что, развернувшись, покатил дальше. С Гамбургом, точнее с местной верфью, облом: если что-то здесь недавно и спускали, то давно увели к устью.

Пользуясь тем, что пока ещё стояла ночь и до рассвета оставалось часа два, я выехал на дорогу и покатил в сторону главной военно-морской базы германского флота – Вильгельмсхафен. До него чуть больше ста километров будет, заодно прокачаю Хранилище ещё на пару десятков кубов. Чую, добычи на главной базе германского флота будет много.

Двигался я ночами, объезжая посты и переправляясь вплавь через реки, так как мосты охраняли. На четвёртую ночь я добрался до окраин. Да уж, зенитных частей тут много, только с этой стороны на подъезде четыре батареи, а вообще Взор показывает два десятка батарей на всю его дальность, а это, между прочим, уже четыре тысячи триста шесть метров, ведь я продолжал его качать.

Пробравшись в город, пока была темнота, и спрятавшись в корпусе вытасченного на берег и частично порезанного на металлолом старого тральщика, с наступлением рассвета я, наконец, смог осмотреться. Дальности Взора не хватало, чтобы охватить всю акваторию бухты, но и того что видел, было вполне достаточно. А немцы в плане маскировки настоящие мастера: я с трудом находил, наблюдая сверху, что они скрыли. Но одно понял: добыча есть и будет.

Правда, субмарин тут не так и много, больше надводных кораблей. Всего я нашёл двенадцать субмарин, из них семь – большие океанские «девятки», и пять – «семёрки». Малых субмарин не было. Думаю, это ещё не всё, наверняка тут ангары и доки для подлодок есть, и там тоже лодки стоят, а нашёл я пока только те, что стоят под открытым небом, пусть и тщательно замаскированные масксетями и ветками.

В эту ночь я уже ничего не успевал, поэтому укрылся в бывшей шахте трубопровода судна, сделав лёжку, и вскоре уснул в спальнике. Следующей ночью придётся побегать, работы предстоит много.

* * *

Проснулся я в обед, в полпервого. Сегодня было двадцать второе августа, пятница. Я планировал через четыре-пять дней добраться до Ленинграда, значит, нужно поскорее заканчивать здесь все дела и, наконец, возвращаться.

Я свернул и убрал вещи, которые использовал для днёвки, и под прикрытием корпуса тральщика спустился к воде и умылся. М-да, зря я это сделал: мало того что вода морская, так ещё и с мутью. Пришлось доставать фляжку с чистой родниковой водой, чтобы умыться заново. Потом позавтракал молочной рисовой кашей и компотом со сладкой булочкой.

После завтрака, опустив руку по локоть в воду, я начал кач, набирая воды до предела и выпуская. Я уже знал, что набираемая морская вода не вредит содержимому Хранилища: сколько раз так делал. Да и вообще вода – самый удобный материал для кача, я это давно заметил. Закончил, как только стемнело, но за это время успел накачать шестьдесят кубов. Теперь объём Хранилища – шесть тысяч двести. Я же говорил, вода – это то что нужно.

За девять часов работы, с часовым перерывом на обед и ужин, я успел определиться, что буду брать. Это изрядно сэкономит время. Вряд ли я успею сегодня улететь отсюда, слишком уж большие расстояния предстоит преодолевать, но за ночь всё успею прибрать.

Проблема была с выбором: хочется всего, и побольше. Однако тут хомяк упёрся, можно сказать в клин вошёл, растопыбив локти и колени, и ни туда ни сюда. Поэтому после долгих колебаний я остановился на трёх боевых кораблях противника, все новые, лишь один корабль имел единственный боевой выход. Это были две подводные лодки, «семёрка» и «девятка», и малый тральщик, новый, этого года; два месяца назад его спустили на воду и три недели как он вошёл в состав флота.

Это был малый тральщик типа М подсерии 1940. Водоизмещение – семьсот семьдесят пять тонн, длина – шестьдесят пять метров, ширина – восемь с половиной метров, осадка – два и девять метра, скорость – восемнадцать и восемь узлов. Энергетические установки – две паротурбинные установки и два паровых котла; мощность – два и восемь тысяч лошадиных сил. Запас топлива – сто пятьдесят шесть тонн нефти. Дальность плавания – четыре тысячи морских миль. Экипаж – семьдесят пять человек. Вооружение: одна башня с двумя 105-миллиметровыми орудиями, два 37-миллиметровых орудия, один двуствольный

зенитный автомат и один четырёхствольный, два бомбосбрасывателя, четыре бомбомета, сорок глубинных бомб, пятнадцать мин.

Теперь по субмаринам. «Девятка» новая, флот её только-только принимать начал. Причём мне стоит поторопиться: используя «дальнее ухо», я подслушал, что команда для неё прибывает уже через два дня. «Семёрка» тоже новая, принята флотом три месяца назад. Месяц команда её осваивала и даже успела сходить в боевой поход. Как раз неделю назад вернулись. Утопили один английский тральщик, больше побед не было, под бомбами не бывали.

В общем, обе лодки новые, загружены припасами, у большой океанской не полная загрузка, а «семёрку», прежде чем экипаж отправился отдыхать, загрузили по полной, кроме свежих продуктов, их перед выходом выдают. Меня очень заинтересовал тральщик. У немцев корабли типа М, несмотря на то что по классификации они являлись тральщиками, использовались и как эскорт, и как охотники за подводными лодками, и как учебные корабли. Такая вещь может пригодиться. Да и понравился он мне.

В принципе, если брать все три единицы, то в Хранилище они, как я прикинул, войдут, но на этом всё. Так что нужно качать и качать Хранилище. Да, там много лишнего, но выкидывать я ничего не хотел, ещё пригодится, поэтому и решил: буду качать. Однако скоро к «девятке» прибудет команда, да и выбранный мной тральщик собирался покинуть порт, сопровождая тяжёлый крейсер в составе эскадры. Поэтому я решил рискнуть.

Раздевшись, достал свою шлюпку, купленную в Риге, и погрёб в сторону стоянки тральщика. Он на якоре стоял, и мне пришлось обходить стороной три якорные стоянки других кораблей. Подплыв поближе, я перевалился через борт – ох и холодная водица! – убрал шлюпку и дальше двинул вплавь, иногда скрываясь под водой. Подплыв к борту корабля, я коснулся его и убрал в Хранилище. А вы что, думали, я его прямо тут штурмовать буду? Нет, позже.

На месте, где стоял корабль, осталась пустота, которая тут же схлопнулась, и меня в неё затянуло. Помотало, конечно, но я выплыл. Вынырнув, достал шлюпку, быстро поработал полотенцем и накинул чёрную рубаху, чтобы замаскировать белое тело, после чего погрёб в сторону берега.

До стоянок лодок я добежал по берегу. В обоих случаях снимал часовых. И если с командой тральщика я сразу связываться не стал, не желая тратить на это время, то на субмаринах поработал, используя пистолет. На «девятке» всего семеро было – рабочие завода, перегонная команда и они же испытатели, – а на «семёрке» восемнадцать человек. Трупы команд убирал в Хранилище вместе с лодками, а после выбросил тела в воду. Пусть найдут и поймут, что диверсанты поработали.

Однако на этом всё, Хранилище полное. Поэтому я вернулся к корпусу старого судна, где дневал ранее, и продолжил кач Хранилища. Необходимо было за пару дней наработать такой объём, чтобы хватило места для торпед, запчастей и снарядов к орудиям.

* * *

Да уж, прятаться мне пришлось изрядно. Пропажу лодок обнаружили быстро, сначала мёртвых часовых на местах стоянок нашли и подняли тревогу, а потом и тела в воде. А вот то, что тральщик пропал, узнали только когда рассвело.

В первый день для прочёсывания бухты подняли весь гарнизон и все части. Патрули корпус старого судна раз пять с собаками осматривали, а я в это время сидел в воде с трубкой в зубах, дыша через неё. Даже прячась, я не прекращал качать Хранилище. Оттого что я набирал и выпускал воду, волны здесь были выше, чем в других местах. Может, потому и внимание к этому месту было особое: видимо, подозревали, что диверсант где-то тут прячется, даже гранаты кидали с торпедного катера. На второй день поиски шли уже не так активно: нашли трупы моряков-подводников и поняли, что лодку угнали. На третий день поиски почти прекратили.

На четвёртую ночь, с двадцать шестого на двадцать седьмое августа, накачав к тому времени ещё двести двадцать кубов объёма, я решил, что стоит поработать. Покинул корпус старого тральщика, служивший мне хорошим укрытием, и пробежался по городу, не обращая внимания на многочисленные патрули. Сняв усиленную охрану, по двое часовых, я вскрыл склады и принялся отправлять в Хранилище глубинные бомбы, якорные мины, торпеды и снаряды для орудий и зениток. В Хранилище осталось едва двадцать кубов свободного места.

Потом сбегал к докам, где были мастерские и склады с запчастями к подлодкам. Меня особенно интересовали запчасти к дизелям, запасные лампы, да и много что ещё, вот всё и убирал в Хранилище, пока не заметил, что очередная деталь не входит. Тут уж я понял: всё, Хранилище полное. Набрал я прилично, но если прикинуть, этого хватит на год боевых действий. Но ничего, потом можно ведь и снова навестить немецкие склады, да и не один раз.

Минировать я ничего не стал, а тихо покинул территорию города. Достал «шторьх» и лейтенанта-пилота, мы взлетели и на небольшой высоте, не выше ста метров, потянули в сторону Ленинграда. Планы были выполнены, и теперь я возвращаюсь.

Полёт не задался с самого начала: километров триста пролетели, и тут мотор вдруг застучал и стал работать с перебоями. Мы, перепуганные до смерти, причём оба, сразу пошли на посадку, которая, к счастью, прошла благополучно. Пилот открыл капот и, осмотрев мотор, только пожал плечами: похоже, с двигателем проблемы. Я ругнулся и, пользуясь тем, что ночь была тёмная, да и небо затянуто облаками, отвёл немца в сторону и незаметно для него убрал неисправный «шторьх» в Хранилище и достал другой.

Пилот запустил мотор (он понял, что машина другая, но ничего не сказал), мы снова поднялись в воздух и отправились дальше. Летели до сухих баков, а тут и светать начало, так что мы пошли на посадку, чтобы заправиться и переждать светлое время суток.

Вот так двадцать седьмого августа я отдыхал в окрестностях города Гданьск, который сейчас у немцев называется Данциг. До него отсюда километров пятьдесят, но это ближайший крупный город, вот я о нём и упомянул. А там, где мы остановились на днёвку, было крупное озеро, поэтому, устроившись в овраге и выспавшись, я потом до наступления темноты набирал и спускал воду, качая Хранилище. Сорок кубов накачал. Заметил, кстати, что полное Хранилище качать проще: скорость выше.

А когда стемнело, мы полетели дальше, с дозаправкой, и сели в районе Риги. Я решил побывать там. Было полвторого, когда я проник в город и навестил бывшую базу моего дивизиона. Часть складов уцелела и там хозяйничали немцы, однако ничего интересного я не нашёл: наши или всё уничтожили, или вывезли. Но судя по тому, что склады целые, скорее второе.

Решив не оставлять свободное место пустым, я добрался до железнодорожной станции и отправил в Хранилище содержимое нескольких грузовых вагонов. А был в них уголь. Зима ожидается лютая, и уголь точно пригодится. Дрова тоже неплохо, но в запасе имелась всего пара полениц – НЗ так сказать.

Я планировал этой же ночью вылететь дальше, тем более был шанс до рассвета перелететь линию фронта, однако, обнаружив в городе два лагеря военнопленных, занялся их освобождением. Переоделся в свою форму лейтенанта и поработал оружием с глушителями. Почти шесть тысяч освободил, среди них были и командиры. После выдал освобождённым подготовленный запас оружия и припасов. Треть ушла в леса, пробираясь в сторону передовой, а бо?льшая часть, которой командовал майор-стрелок, взяла Ригу штурмом, зачищая её. Я в этом безумии не участвовал, отсыпался в лесу.

* * *

Днём я выяснил, что в Риге полно немецких частей, а наших уже нет. Мне удалось, не покидая убежища, подслушать немецких офицеров: до окраины города пара километров, дальности работы Взора хватило. Я узнал, что пленные зачистили казармы местных националистов (так вот кто им нужен был), перебили всех и ушли, сбив с ходу несколько заслонов. Сейчас их разыскивали по окрестным лесам. Ещё несколько групп прорвались на захваченных катерах к островам, которые ещё удерживали наши.

Переодевшись в гражданскую одежду, я добрался до берега моря и купаясь, качал Хранилище: оно было полностью заполнено, а резерв всё же иметь необходимо. Хм, а ведь в своей прошлой жизни Путника я не качал так исступлённо как Взор, так и Хранилище. Сейчас я за три месяца накачал уже больше, чем за год в прошлой жизни, и это заставляло задуматься.

Как бы то ни было, двадцать шесть кубов я накачал, снова заполнил их углём и, как только стемнело, полетел с лейтенантом дальше. За Псковско-Чудским озером мы сели на дорогу, заправились и продолжили полёт. Зная, какая у города зенитная защита, я, честно говоря, опасался приближаться, так что мы крались на малом газе. Мотор работал тихо, шума было мало, но и скорость сильно упала.

За час до рассвета мы сели на пустую дорогу, в тридцати километрах от окраины. Я убрал самолёт с пилотом, достал «эмку» и на ней покатил дальше. Посты я видел издалека, всё же дальность Взора уже почти пять тысяч метров. Когда была возможность, объезжал, а когда не было – обходил на своих двоих.

Когда рассвело, я был уже в шести километрах от окраины. Переодевшись в форму советского военного моряка, заехал в небольшую деревушку, насчитывающую едва десяток домов, и остановился у одного из них. Несмотря на раннее утро, здесь уже встали и работали по хозяйству. Из взрослых были женщина лет сорока и старуха. Из мужского населения в деревне только пацаны да старики.

На мой окрик от калитки хозяйка дома обернулась и подошла. Её опередила пара девчат лет шести и восьми, которые, подбежав к калитке, с любопытством принялись меня разглядывать.

– Доброго утра, – поздоровался я. – Лейтенант Мальцев. Извините, я всю ночь в дороге был, хотел бы выспаться до обеда. Не пустите?

– Да, конечно, проходите. – Хозяйка скинула кожаную петлю и отворила калитку.

Девчата испросили разрешения посидеть в машине, которую я оставил у забора, и я разрешил, она была не заперта. Как потом оказалось, детворы набежало множество, и все набились в салон «эмки».

А мне тем временем выделили кровать, похоже хозяйскую, она одна в доме панцирной была, и спросили, не хочу ли я позавтракать. Я отказался. Разделся, оставшись в одном тельнике и чёрных трусах, лёг и сразу уснул. Попросил разбудить меня ровно в двенадцать часов дня. Часы в доме были, причём с ходиками, для деревни вещь редкая и дорогая.

* * *

Разбудили меня вовремя. Хозяйка сообщила, что накрывает на стол, и вышла из светёлки, а я сел, протирая глаза и сонно моргая. Взором прошёлся по округе. А вот это уже интересно: у моей «эмки» стояла полуторка, которую как раз покидали бойцы-пограничники, а из кабины выходил командир в звании

лейтенанта.

Мельком осмотрев машину, пограничники пообщались с детьми, которых стало куда меньше, после чего лейтенант с двумя бойцами прошёл на территорию подворья. Остальные рассыпались. Трое остались у машин, включая пулемётчика, остальные разбежались. Грамотно окружили; если бы собрался на прорыв уйти, сложно было бы.

Наблюдая за ними, я поднялся с кровати, не одеваясь, босиком и в одном нательном белье – тельнике и трусах – вышел наружу и, подойдя к бочке с дождевой водой, которая стояла у стены сарая, начал умываться, отфыркиваясь. Сюда же подошла хозяйка с полотенцем. Умывшись, я разогнулся, взял полотенце и посмотрел на подходивших пограничников. Скорее всего, они из службы охраны тыла. Так и оказалось.

Подойдя ко мне, лейтенант представился:

– Начальник патруля службы охраны тыла, лейтенант Парфёнов. Попрошу ваши документы. По какой причине находитесь здесь?

– Лейтенант Мальцев, подводник, Балтийский флот, в недавнем прошлом командир лодки. До недавнего времени выполнял секретное задание, о котором сообщить не могу. Направляюсь в штаб флота, чтобы получить новое назначение. Документы в доме, оставил в форме... Слушай, лейтенант, мы нигде не виделись? Лицо твоё знакомо.

Я действительно где-то его видел, а вспомнить пока не могу.

– Вроде не встречались.

– Вспомнил! – воскликнул я, действительно узнав его. – Восьмое июля, окрестности Барановичей. Я там курировал три группы осназа, мы работали в тылу противника. Как раз освободили лагерь для военнопленных и, уходя, наткнулись на окруженцев. Кажется, майор Филатов там старшим был. В те времена постоянно с окруженцами встречался, десятки групп, всех не упомнишь. Я им помог боеприпасами и продовольствием. Ты там был, когда я с майором общался, подошёл с докладом по разведке переправы.

– Было такое, – подтвердил лейтенант. – Только ночь же была. Моряка помню, а лица не разглядел. А голос узнаю, похож. Ваша помощь с припасами и снарядами нас тогда здорово выручила. А вы, значит, куратором у осназа были?

– Да.

– Можно вопрос?

– Валяй, – вытирая руки, разрешил я, после чего повесил полотенце на палку, торчавшую из забора. Хозяйки не было, она под яблонями на стол накрывала, а дочери ей помогали.

– Почему моряка куратором назначили?

– Группы работали по побережью. Я за эти два месяца где только не был, включая Германию. В Любеке диверсию устроили, в Гамбурге бывали и на главной базе флота Германии, Вильгельмсхафен. Это Атлантическое побережье, Северным морем омывается. Даже подлодку угнали и пару боевых кораблей. Их сюда, к Ленинграду перегнали, спрятали в шхерах. Так как действия группы были признаны успешными, их отозвали в Москву, а меня вернули флоту: мол, служи дальше по специальности. Надеюсь получить под командование трофейную подлодку.

И знаешь что, лейтенант, если бы я знал, что меня ждёт, я, возможно бы, отказался. У меня боязнь высоты в острой форме, а передвигаются группы в основном воздухом, на трофейных самолётах. Я столько налетался – на всю жизнь хватит. Как не поседел, не знаю. Хотя, конечно, здорово было; за эти два месяца я один только уничтожил около четырёх сотен солдат и офицеров противника, а общая численность на все три группы – за сорок тысяч. Так-то. Ладно, это к делу не относится, сейчас документы вынесу.

Лейтенант молча кивнул. Я вернулся в дом, быстро надел форму, носки и ботинки, застегнул ремень и, поправляя фуражку, вышел во двор и протянул документы Парфёнову. Он быстро их просмотрел, поднял удивлённо брови и сказал:

– У вас они на отпуск оформлены, да ещё за два дня до начала войны.

- Всё верно. Как поступил приказ выдвинуться к границе, так и выполнил его. К сожалению, командир дивизиона, где я служил, командировочные документы выдать мне не мог, пришлось сдать командование лодкой и взять отпуск. И да, лейтенант, о начале войны я узнал в пятницу, за два дня до её начала.

- Документы на машину?

- Это подарок от бойцов, трофейная.

- Она же наша?

- Захватили у немцев, значит, трофейная. Прибуду в штаб флота, сдам в гараж, пусть используют. Мне не по чину пока.

- Ясно, - возвращая мне документы, сказал он. - Отпустить так я вас не могу, двое бойцов сопровождают вас до штаба флота.

- Без проблем.

Лейтенант уехал, а двое пограничников остались и присоединились к нам за столом. Хозяйке я выдал вещмешок, сделав видимость, что достал его из багажного отсека машины: мол, от нашего стола вашему столу. Детишкам дал жестяную коробку с конфетами, немецкими леденцами, пояснив, что это трофей. Обед был очень вкусный, особенно томлёные щи со сметаной.

А после обеда мы собрались и покатали к городу, оба бойца сзади сели. Проехали три поста в городе, нас пропустили, сопровождение помогло. И вот я остановился у здания штаба флота. Если кто думает, что штаб размещён в Кронштадте, то зря, сейчас он в Ленинграде находится, Кронштадт - это военноморская база. По крайней мере, службы тыла и кадровый отдел тут находятся.

Подъехав к зданию, я припарковался и, покинув машину, прошёл в здание, оба пограничника шли за мной следом. Предъявил дежурному документы и, пока он вносил мои данные в журнал учёта, сообщил:

- Прибыл для получения нового назначения.

Дежурный изучил даты в отпускном и удивился:

- У вас написано, товарищ лейтенант, что вы ещё до войны получили отпуск.

- Выполнял секретное задание, для дезинформации получил отпускное удостоверение. Пришлось два месяца брать, в один бы не уложились.

- Ясно, - заканчивая записывать, ответил старший лейтенант, выполнявший обязанности дежурного. - Вам нужно в отдел подводного плавания флота к капитану первого ранга Стеценко. Он сейчас у себя. Второй этаж, левый коридор, третья дверь справа.

Убирая документы обратно, я повернулся к пограничникам и сказал:

- Благодарю за службу, бойцы.

Они, молча козырнув, развернулись и ушли, а я направился к лестнице, козыря командирам. Я был в парадной форме, всё начищено и сверкает, кортик на боку - именно в таком виде и должен являться командир перед командованием.

Подойдя к нужной двери, я постучал и, открыв дверь, вошёл. Отдел подводников занимал четыре комнаты, одна числилась кабинетом Стеценко, и тут шла активная работа.

- О, Мальцев? - оторвавшись от карты, сказал какой-то капитан третьего ранга. Я хорошо выучил звания у военных моряков Союза, уже не ошибаюсь, как это бывало в первые дни. Придумали же эти галуны на рукавах.

Другие командиры, трое со звёздами политработников, тоже повернулись ко мне. Похоже, совещание было, народу много.

А капитан третьего ранга подошёл ко мне и зло спросил:

- Ты где был?

- Выполнял секретное задание руководства страны. Участвовал в диверсиях на морских военных базах Германии. Задание выполнено, был отправлен обратно.

Готов получить новую должность и приступить к службе.

– Идём к командиру.

Он сопровождал меня к кабинету начальства, зашёл, пробыл с минуту и, открыв дверь, мотнул головой:

– Зайди.

Я прошёл в кабинет и, козырнув, доложил:

– Товарищ капитан первого ранга, лейтенант Мальцев, прибыл для дальнейшего прохождения службы. – Достав документы, я положил их на стол перед Стеценко.

– Лейтенант, вы где были?

– Выполнял секретное задание на территории противника.

– Этому есть подтверждение? Какие-нибудь документы?

– Нет. Задание в стиле «нас там не было». Подтверждения не будет. Я так понимаю, это один из тестов для проверки моих боевых и деловых качеств: смогу выкрутиться или нет.

– Ты понимаешь, что я тебя как дезертира должен арестовать?

– Понимаю. Только смысла не вижу. Совершая диверсии на территории Германии в составе групп осназа, мне удалось угнать у немцев подводную лодку типа «Семь» и несколько небольших боевых кораблей. Они укрыты в шхерах, а вот субмарина находится тут, в Ленинграде. Её завели в порт и положили на грунт. Так как по старому правилу флота кто захватил, тот и принимает командование, прошу меня назначить её командиром.

– Бред, – вздохнув, сказал каперанг. – Я даже слушать эти сказки не хочу. Идём за мной.

Он встал из-за стола и направился к двери, я за ним. На ходу Стеценко бросил мне:

- Трибуц тебя командиром поставил, пусть он твою судьбу и решает.

Адмирал, к счастью, был у себя, только что вернулся после инспекции с судоремонтного завода, где ремонтировался эсминец. Оказалось, произошла страшная катастрофа во время перехода корабельного состава флота из Таллина в Кронштадт. Боевые корабли бросили сопровождаемые ими суда, и те понесли огромные потери. Погибло много людей, как моряков, так и гражданских, и обвиняют в этом адмирала. Как я понял, вполне по делу.

Мне пришлось подождать с полчаса в приёмной, пока, наконец, пустили Стеценко, а потом вызвали и меня. Адмирал был злой как чёрт; видимо, Стеценко смог подобрать нужные слова, чтобы накрутить его.

- Лейтенант, сообщите причину вашего отсутствия на боевом посту.

- Товарищ адмирал, двадцатого июня я был снят по личному прошению с командования лодкой и направлен выполнять секретное задание руководства страны. С тридцатого мая по двадцать седьмое августа этого года я был куратором трёх групп осназа. Получив двадцатого июня приказ с сообщением о скором начале войны, я доложил об этом командиру дивизиона, сдал лодку и немедленно отбыл в Минск, где в районе Белостока соединился с террор-группами.

За сутки до начала войны мы уничтожали диверсантов противника, а после этого, пропустив немецкие части, уничтожали их тылы и штабы. Захватывали немецкие склады и освобождали наши, вывозя всё на нашу территорию. Также поступали и с брошенным вооружением, включая танки и тяжёлую артиллерию. Освобождали лагеря военнопленных, уничтожали стратегические объекты вроде мостов и переправ. Помогали группам окруженцев припасами. Везде я выходил на контакт с окруженцами и освобождёнными из лагерей.

Три недели назад группы были переброшены воздухом в Германию, где работали на военно-морских базах Любека и Вильгельмсхафена. Ночью удалось захватить несколько немецких боевых кораблей, включая подлодку типа «Семь». В данный момент она находится тут, в Ленинграде. Прошу меня, как участника

абордажа, поставить командовать ею. В данный момент я не требуюсь как куратор, и меня вернули обратно флоту.

- И правда, бред, - пробормотал заметно успокоившийся адмирал и тут же стал припоминать: - Мальцев, Мальцев... Неделю назад по представлению штаба Западного фронта в Москве за боевые заслуги был награждён орденом Боевого Красного Знамени лейтенант Мальцев, с линкора «Октябрьская Революция». Сейчас встаёт вопрос: а того ли Мальцева наградили?

- Не могу знать.

- А у меня уже сомнений нет. Значит так, раз документов, подтверждающих это твоё... секретное задание, нет, будем решать вопрос с тобой по законам военного времени. Всё решит военно-полевой суд. Увести.

Стеценко подхватил меня под локоть и уже повёл к двери, когда адмирал с вопросительной интонацией бросил мне в спину:

- Лейтенант, а что там с «семёркой» немецкой?

- А что с ней? Всё в порядке с ней. Решили вот передать Северному флоту, как и надводные боевые корабли, им нужнее. Балтийскому больно жирно будет.

- Так... - Адмирал устроился за столом, и велел Стеценко: - Оставь нас.

Стеценко вышел. Адмирал с минуту помолчал, задумчиво изучая меня, и, наконец, прервал тишину в кабинете:

- Это что сейчас было? Мстить решил?

- А за что? Вы в своём праве.

- А трофеи?

- Какие трофеи? Какое отношение к ним имеет Балтийский флот? Я за карьеру не держусь, честно сказать, наплевать на неё. Но мечта есть - стать самым результативным подводником Балтийского флота. Подлодка для этого есть,

большой запас запчастей, топлива и торпед для неё, формируй команду и действуй, тем более минные поля я могу пройти с закрытыми глазами. Но раз бьют по рукам, то к чему вообще об этом говорить?

Это была замануха. После фиаско с переходом, когда из-за бездействия адмирала флот получил такие большие потери, адмиралу требовались победы, чтобы обелить себя. И захваченные корабли немцев, предъявленные руководству страны, – это такой козырь, который он не мог упустить. Мы оба понимали, к чему я веду.

Адмирал молчал, наверное, с минуту, всё мысли гонял и наконец спросил:

– Что ты предлагаешь?

Это меня удивило. Он не предлагал, а у меня спрашивал. Однако моя заминка была крохотной, и он вряд ли её заметил. Я тут же выдвинул свои предложения.

– Предлагаю сделку, которая устроит нас обоим. Я передаю в состав флота «семёрку», получая её под командование. Кроме лодки я передаю также малый тральщик типа М, новенький, этого года спуска, два «шнелльбота» и малый сторожевик. Всё новое, старье мы на abordаж не брали. У немцев ещё большая океанская лодка была захвачена, типа «Девять», но что с ней, я не в курсе. Мне намекнули, чтобы я на неё не рассчитывал. Это по надводным и подводным кораблям. Помимо них есть ещё трофеи, например авиация. Наша и трофейная.

– Вот как? – заинтересовался адмирал. – Что по нашей?

– Истребителей Як около сотни, «миги», «лаГГи», Ил-два и с полсотни «пешек». Немецкие – два десятка транспортных самолётов, три десятка штурмовиков, сотня истребителей, с полсотни бомбардировщиков. Немного гидросамолётов, с полтора десятка. Естественно, всё с аэродромной техникой и небольшими запасами снарядов и бомб. На два-три вылета.

Ещё есть танки, грузовики, артиллерийские установки, миномёты, ну и стрелковое оружие, где-то стрелковый корпус вооружить можно. В основном наше, но и немецкое имеется. Всё это я готов передать Балтийскому флоту за должность командира трофейной подлодки. Ну и просьба звания и награды не зажимать. А так я действительно собираюсь стать самым результативным

советским подводником в этой войне.

– Если всё, что ты перечислил, будет, считай, мы договорились.

Встав, адмирал подошёл ко мне и протянул руку, и мы скрепили сделку крепким рукопожатием. После этого прошли в оперативный отдел штаба, где и начали планировать передачу всей этой огромной массы вооружения флоту. И начать я собирался со своей «семёрки». Работы предстоит много.

Стеценко тоже был тут, помогал с комплектованием экипажа, всё же полсотни опытных специалистов подобрать нужно. Мне отдавали весь экипаж подлодки типа «Щука», которая сейчас находилась в доке после попадания бомбы. Уцелели тридцать два моряка, их уже собрались в морскую пехоту направить, а тут я. Остальных отбирали по специальностям. А принимать лодку от осназовцев я, как объяснил командирам, буду ночью: лица они светить не хотят.

Теперь мне стоит обдумать, как решить вопрос с командой тральщика. Они ведь точно проснутся, как только я судно из Хранилища достану и оно ухнет в воду, до боя может дойти. Но кажется, у меня есть идея по этому поводу.

– Товарищ адмирал, есть ещё несколько вопросов, – сказал я командующему. – С оккупированной территории нашими группами было вывезено полторы тысячи наших раненых с медперсоналом, нужно их передать. А так как бойцы террор-групп себя не показывают, нужно провести это за городом. Они в лесу их выгрузят, а наши на санитарных машинах заберут и доставят в госпиталь. Также сюда доставлена команда немецкого тральщика, нужна конвойная команда, чтобы сопроводить их в лагерь для военнопленных. Их там семь десятков с командиром корабля. В остальном всё можно решить согласно разработанным планам по передаче.

– Добро, – согласился тот.

Всё же, пока было светлое время, решили начать с раненых и пленных, так что я в сопровождении представителей особого отдела спустился вниз. Моя машина стояла на месте, её, к слову, за мной решили записать, и мы в сопровождении ЗИСа с краснофлотцами покатали за город. Что ж, приступим, дело привычное, опыт есть. Сначала с пленными разберёмся.

Прибыв на место, в довольно крупный лесок, я свернул с дороги и остановился на обочине. Два особиста, один в форме старшего политрука, другой батальонного комиссара, вышли следом, матросы посыпались из кузова грузовика. Я свистнул, и из леса донёлся ответный свист: я работал опцией удалённого чревовещания. Классная штука, теперь никто не усомнится в том, что осназовцы есть.

- На месте! - громко сказал я.

- Готов, - донеслось в ответ. - Будете получать пленных по десятку. Куратор ко мне, остальные на месте.

- Принял, - ответил я и, обернувшись к сопровождению, сказал: - Я буду принимать пленных и звать вас. Дальше уже ваша работа.

Отойдя вглубь так, чтобы от опушки меня точно не было видно, я мысленно вошёл в Хранилище, представив тральщик и всех людей на его борту, и, не доставая тральщик, стал снимать с него и выводить из Хранилища членов команды, сразу работая кулаком по затылку. Сначала достал командира корабля и пятерых вахтенных - офицера с четырьмя матросами, которые были в отключке. Ну и позвал своих матросов, которые сразу подбежали, молодцы, дисциплинированно ждали у машин.

Оставив им пленных, я отошёл в сторону метров на пятьдесят и достал ещё десяток, по очереди. Многие спали, всё же ночью тральщик угнал, но я их всё равно вырубал и снова сдавал матросам. При каждой группе, охраняя её, оставались двое матросов. В первой группе уже кто-то очнулся. Документы на пленных я передал особистам.

Потом пленных привели в чувство, вывели на дорогу и погнали к городу. Они, конечно, ничего не понимали, но вокруг были вооружённые русские моряки, и немцам пришлось подчиниться. Тех, кто сопротивлялся, били прикладами. Четырёх немцев пришлось нести: слишком сильно я им, видимо, дал по затылку, и они всё ещё были без сознания.

Теперь займёмся нашими ранеными и медперсоналом. Вообще, большая часть медиков, попав в окружение, побросали раненых и пытались самостоятельно выбираться к своим. А эти немногие продолжали работать, считая это своим

долгом, поэтому я и решил обязательно их к нашим вытащить, что и сделал.

ЗИС уже укатил в сторону северной столицы, пленных увели. У моей «эмки» остался один из особистов, старший политрук, и с ним два матроса с винтовками СВТ. Подойдя к политруку, я поинтересовался:

- Что там по санитарным машинам?

- Два десятка набрали, должны подойти. В колонне будут матросы для погрузки и врачи из нашего госпиталя, они помогут.

- Это хорошо. - Повернувшись, я крикнул, спрашивая: - Что там с ранеными?

- Пять минут, первые пять сотен выгружаем, - отчётливо донеслось в ответ. Голос был другой, такой грубый, низкий баритон, совсем не схожий с моим. - Будьте осторожны, они после нескольких дней сна.

- Добро, - ответил я и, повернувшись к особисту, сказал: - Подождём немного.

- Что за парни эти бойцы из террор-групп?

- Говорить мне об этом нельзя, но отвечу так: невидимки. Ты можешь в метре от них пройти в пустыне и увидишь лишь нож, который перерезает тебе горло. Они таким образом многих немцев на тот свет отправили. Я бойцов такого уровня никогда не видел, да и вообще не подозревал, что они существуют.

- Такие серьёзные?

- Я видел один захват, опишу его. Представь: задача - захватить двух немецких генералов. Трофейный грузовик и легковушка-кабриолет выскакивают на поле, а транспортный «юнкерс» уже разгоняется, вот-вот оторвётся от поля. И те, на легковушке, пока другая группа на грузовике добивает охрану, рванули следом. Когда самолёт оторвался от поля, два бойца террор-группы успели зацепиться пальцами за крыло. Самолёт улетел и через пять минут вернулся. Он был захвачен. Кто такое ещё сможет? А они сделали, взяли на бордаж самолёт в воздухе, вдвоём, хотя салон был полон: полтора десятка офицеров вермахта и СС.

– Такое возможно? – в растерянности спросил особист, видимо, ярко представив то, что я описал.

– Своими глазами видел. Я просил их обучить меня, да куда там, основы показали, и всё. Отрабатываю теперь.

В это время из леса донеслось:

– Куратор к нам, остальные на месте.

– Пора работать, – сказал я и быстрым шагом направился в глубь леса.

Это было уже не то место, где моряки принимали пленных немцев, а в полукилометре в стороне. Я стал быстро доставать раненых, они сразу лёжа появлялись на листве. Достав так пятьсот раненых и весь медперсонал (все они спали), я вызвал особиста с двумя матросами. Пока я тут в течение десяти минут доставал раненых, подошла колонна для вывоза, так что с ними сразу стали работать врачи.

А я, снова отбежав на полкилометра, достал следующую партию, а за ней и остальных. Всех раненых, среди которых было много тяжёлых, в том числе и не ходячих, передали врачам и постепенно начали вывозить. На опушке поставили несколько больших палаток, развернув походные операционные, так как некоторым раненым требовались срочные операции. Я передал медикам десять санитарных машин на базе ГАЗ.

Некоторые раненые находились в Хранилище около двух недель, и конечно, возникнут вопросы, почему они не помнят это время и раны их остались без изменений, но я найду, что на это ответить. Да хотя бы тем объясню, что они бредят.

Вообще, раненых я немало насобирав, тайком ночами перевозил их через линию фронта и располагал рядом с каким-нибудь населённым пунктом, пробуждал медперсонал или отправлял кого-нибудь за помощью, чтобы вывозили. Больше тридцати раз так делал, больше трёх десятков тысяч вывез. А эти раненые, которых я сейчас передавал, были набраны перед отправкой в Германию, мне было просто не до них, не мешают и ладно.

Уже был вечер, когда мы вернулись в город, и меня немедленно провели в кабинет адмирала. Он выглядел сильно уставшим, под глазами залегли тени, но принял меня сразу.

Когда я начал доклад, адмирал встал из-за стола, подошёл и сказал, прерывая меня:

– Всё знаю, доложили... Как показали сегодняшние события, доверять тебе можно. Приказ о назначении тебя командиром трофейной подлодки подписан. Своей властью за боевые действия и захват кораблей противника присваиваю тебе звание старшего лейтенанта. Наградные уже оформлены и отправлены в Москву. У тебя час, мне нужен рапорт о ваших боевых действиях.

– Не успею, товарищ адмирал, там сутки писать нужно, очень много мы работали эти два месяца.

– Хорошо. Сегодня получишь лодку и поставишь её у пристани ремонтного завода, я уже распорядился. Инженеры помогут: сменяют таблички, чтобы были на нашем языке, так команде будет удобнее работать, да разберутся с управлением и команду обучат. Как думаешь, когда подлодка будет готова к выходу?

– Если поднапрячься, то через две недели. Можно первый учебный выход сделать боевым. Ничто так хорошо не учит, как боевые операции.

– С этим согласен. Когда лодка встанет у пристани, оставишь её на старпома (это старший лейтенант Мальков, опытный подводник, сам отбирал) и прибудешь в штаб, рапорт нужно написать как можно быстрее. В секретном отделе уже всё подготовили, машинистка будет. Да, утром прибуду осмотреть лодку, так что приготовьтесь. Особисты тоже там поработают, у них свой интерес.

– Есть! – козырнул я. – Разрешите идти?

– Свободен.

Покинув кабинет, я зашёл к начальнику штаба флота, именно тут были мои документы. После того как я сдал их Стеценко, больше их и не видел, в кармане были только корочки кандидата в члены партии. Теперь в удостоверении я был записан как старший лейтенант, командир подводной лодки типа Т, номер «101». «Т» – это трофейная? Надо будет узнать.

А вообще, молодцы в штабе, быстро всё оформили, даже полевую почту завели, которая числится не за дивизионом, а именно за лодкой. Записали её за первой бригадой подводных лодок третьего дивизиона. Командир дивизиона – капитан третьего ранга Грищенко. С ним ещё нужно познакомиться.

Как мне сообщили, в дивизионе в основном разный хлам, захваченный во время взятия Литвы. Да и мало что уцелело в дивизионе после прорыва из Таллина. Кажется, моя лодка станет третьей в его составе. То есть её ещё нет, а в состав флота её уже ввели. Похоже, адмирала очень сильно припёрло, раз стал так работать и с подчинённых требовать столь быстрой работы.

Убрав документы в карман, я покинул кабинет и спустился вниз. Теперь галуны нужно сменить. У меня на рукавах один средний и один узкий, а над ними звезда того же золотистого цвета. Теперь узкий нужно сменить на средний: два средних галуна и соответствуют званию старшего лейтенанта. Кстати, пропуск на движение по городу мне тоже выдали, а также документы на машину и пропуск уже для неё. Машину за моей подлодкой записали, как командирскую. Заправлять будут на автобазе запасного экипажа, наряды на топливо выдали.

Устроившись за рулём и отметив, что бак почти пустой и надо будет заправиться, я покатил к казармам запасного экипажа, где должна дожидаться моя команда. Как мне объяснили, старпом Мальков уже должен все вопросы решить; буксир, чтобы отбуксировать лодку к пристани, тоже выделен. Осталось отобрать людей, которые потребуются для перегона.

Въехав на территорию – пропуск сработал, – я заметил у казармы группу моряков при личном оружии и с вещмешками. Наверное, это мои. Подъехав к ним, я остановился.

– Смирно, – подал команду старший лейтенант. Видимо, это и есть Мальков, лично я его не знал.

Я подошёл и представился. Так и оказалось, моя команда, сорок три бойца при пяти командирах. Это пока всё что есть, остальной состав будет чуть позже. До полного штата нужны ещё шесть человек. Некоторых придётся выдёргивать из маршевых рот, уже ушедших к фронту, и возвращать.

Я познакомился с командой. Практически все нужные специалисты имелись, как и командиры боевых частей. Не было дизелиста, точнее старшего машинного отделения, и того же комиссара, но они будут позже. Тридцать матросов и старшин, построившись, направились к пристани, где должна была встать лодка, а остальных на старой «полуторке», приписанной к запасному экипажу, отвезли к причалу, где стоял буксир. За руль «эмки» я посадил торпедиста с лодки, старшего матроса: он умел водить машину и отгонит её к пирсу у завода.

Прибыв на место, мы сразу прошли на борт буксира, уже стемнело. Вскоре он отошёл от причала и, заставив нас кашлять от угольного дыма, потюхал по Неве к выходу, в сторону порта. Пока шли, я описал старпому, мичману (он боцман) и пятнадцати матросам, как была захвачена лодка. Рассказ имел мало общего с реальностью, но получилось красиво. Потом в рапорте я всё это изложу, а пока тренировался на слушателях. Как другие трофеи брали, я тоже описал в своей манере реальной сказки.

И вот мы вышли в акваторию.

– Здесь, – сообщил я пожилому капитану буксира, имевшему звание капитана второго ранга.

– Стоп машина, спустить шлюпку, – сразу скомандовал он.

Капитан тоже слушал мои рассказы, а что делать на месте, мы с ним заранее обговорили. Он мне не верил, по лицу было видно, но думал, наверное, что я этого не вижу, ведь темень вокруг.

Выйдя в порт, мы отошли правее, тут было пусто, никого вокруг в пределах видимости, да ещё и ночь. Значит, появление подлодки из ниоткуда никто не заметит. Спустили шлюпку, я по верёвочной лестнице спустился в неё и, сам налегая на вёсла (что для командиров среди моряков нонсенс, матросы же есть), погрёб в сторону.

Убедившись, что буксир скрылся в темноте, я приготовился и достал подлодку. Ох и швырнуло меня волной в сторону, когда та клюнула вниз, уйдя в воду почти до верха ходовой рубки. Хорошо, что я заранее люки задраил и швартовы убрал.

Всплыв, скидывая массы воды, лодка замерла. Убедившись, что она перестала качаться, я подошёл к борту. Шлюпка неплохо воды приняла, как бы на дно не ушла; я немного ведром выплеснул, но всё равно на дне есть, да и сам я промок до нитки. Ладно, скажу, что соскользнул с палубы в воду – мол, скользкая, – такое бывает. Хотя из-за этого могу потерять авторитет: среди подводников считается особым шиком обладать большой ловкостью.

Подойдя к лодке, я пришвартовал шлюпку и перепрыгнул на борт, действительно чуть не соскользнув при этом в воду. Привязал конец к малой тумбе и поднялся на рубку. Похлопал по одному из стволов двуствольной автоматической зенитки. Открыв люк, проверил, не попала ли вниз вода. Закончив осмотр, посигналил фонариком в сторону буксира.

Вскоре шум работы его машин стал ближе и, осветив лодку неярким фонарём, буксир стал подходить к правому борту, у левого была шлюпка. Я спустился и, поймав конец, стал помогать со швартовкой. Двое матросов перепрыгнули на борт (взгрею за нарушение техники безопасности!) и помогли мне. Потом перебросили трап, и будущая команда лодки (пусть пока и не в полном составе, а перегонная) перешла на её палубу.

– Моторист и электрик, за мной. Старпом, поднимите пока флаг. Как только запущу дизель и включу освещение, можно будет спуститься в лодку.

– Есть, – козырнул тот.

Флаг мне выдали в штабе, пакет был со мной, на буксире остался, и старпом его прихватил. И вот пока он занимался флагом, а команда буксира возвращала свою шлюпку на место, заодно перегоняя буксир к носу, мы с мотористом и электриком прошли в двигательный отсек, освещая всё фонариком. Сам я с лодкой уже разобрался. Используя возможность Взора видеть внутренние отсеки и механизмы, я ещё до того как захватил её полностью, разобрался с управлением и всеми системами.

Переключив энергосистему на дизеля, мы запустили обе машины. Они затарахтели, выхлопные газы по трубе пошли наружу. Включив освещение на борту и зарядку аккумуляторов, а то уровень всего две трети, я направился наверх, оставив внизу моториста и электрика.

Потом я разместил матросов, выделив им койки в кубрике, и показал старпому его каюту, которую он будет делить с комиссаром. Пока не знаю, кто у меня им станет, ещё не назначили. Свою каюту я уже занял ранее.

Мы встали на мостике, куда подняли фонарь, прокинув кабель. Я показал электрику, где что лежит и куда включать, и отдал сигнал. Буксир заработал машинами и с лёгкой натугой потащил нас к судостроительному заводу. Буксировка длилась почти час. Зарядка аккумуляторов уже закончилась, дизеля смолкли, и освещение, дежурное на борту, переключили на них, на аккумуляторы. Дальше последовала швартовка, которая прошла благополучно.

Здесь нас ждала команда и особисты из штаба флота. Они вывели с лодки всех, кроме меня, и забрали все бумаги, включая документы из сейфа капитана и шифровальные блокноты радиста – ключи от обоих сейфов я им передал. Забрали и шифровальную машинку. Осмотр и обыск лодки длился час, после чего особисты отбыли. Только после этого команда, которая уже ожидала, прошла на борт. Вообще, стоило бы их в казарме разместить, но ведь и к лодке привыкать нужно. Например, как тем же галюном пользоваться: тут немного по-другому, чем на наших лодках.

Назначив вахтенных, я скомандовал отбой, приказав поднять команду в шесть утра: прибудет командующий, нужно будет блеск навести. После этого экипаж отбыл ко сну. Я прошёлся, проверил – на борту всё в порядке. Освещение пока на аккумуляторах, позднее прибудут инженеры и определят, как подключать лодку к внешнему электропитанию, чтобы ничего не спалить на борту.

Хорошо, что лодка новая: в сейфе у капитана были схемы и бумаги по ней, с верфи, помогут с механизмами разобраться. Я их с боем у особистов вырвал, под подпись, обязуясь инженерам передать. Кстати, а не тут ли отец Мальцева работает? Надо будет узнать. Весточку о себе подам чуть позже: в ближайшее время запарка ожидается большая.

Утром к девяти действительно прибыл командующий. Лодка к тому времени блистала. Закрывать германский герб на рубке я не стал: пусть жители Ленинграда, уже собравшиеся у пристани, за оцеплением из матросов, видят, что лодка трофейная.

Командующий прибыл не один, а с военными корреспондентами, представителями штаба флота. Адмирал принял решение широко осветить введение трофея в состав Балтийского флота. Многие в штабе были категорически не согласны с адмиралом, особенно разведка. Высказывались также опасения, что лодка будет вводить в заблуждение наших подводников: трофейная ли она или это немцы, атаковать или нет. Но адмирал настоял на своём: ему была необходима огласка столь значимого события, да и мы с ним договорились об этом.

Журналисты изучили лодку изнутри, подивились тесноте, сделали несколько фотографий, включая общий снимок на рубке. После этого начались вопросы о том, как мне удалось захватить подлодку. Я был героем истории с абордажем. Подумав, я за час рассказал о террор-группах, куратором которых являлся, как работали в Белоруссии и в Германии и как захватили эту лодку.

Корреспонденты были в восторге – такой материал! Мало того, я им ещё и фотографии подарил; на нескольких из них на заднем фоне были видны боевые корабли кригсмарине. Это я на главной базе фото делал, где «семёрку» угнал. Начальник особого отдела мне кулаком незаметно пригрозил за то, что утаил их. Так ведь не спрашивали, вот и я не говорил.

На этом корреспонденты с адмиралом отбыли. Я оставил за старшего старпома, приказав ему навести маскировку на лодку: два тюка маскировочных сетей были в кладовке на борту. Двум инженерам я передал под подпись схемы на лодку, чему они очень обрадовались и тут же принялись за работу. А я отбыл на своей «эмке» в штаб флота.

Прибыв в штаб, я до семи вечера безвылазно диктовал машинистке рапорт о действиях террор-групп вплоть до моего возвращения в Ленинград. В триста листов уложились, толстая папка вышла. Пришлось и фотографиями поделиться.

Копия моего рапорта и особистам ушла. Особенно они интересовались вербовщиком, который уговорил меня стать куратором. Я дал описание

неприметной внешности и сообщил, что он предъявил удостоверение личного порученца товарища Сталина. Надеюсь, никаких проблем не будет, оттого что я часто Сталина приплетаю. В отличие от местных я не относился к нему с особым пиететом. Уважал, это да, но не молился на него, как можно было подумать, глядя на других личностей.

Мне дали поспать два часа, а потом доставили на пирс, где нас дожидался торпедный катер, полный моряков. Мы перешли на него и на полном ходу полетели прочь, за нами отошёл второй такой же. Я сообщил координаты встречи, после чего уснул в каюте капитана: разбудят, когда прибудем на место. Этой ночью я передавал остальные обещанные мной надводные боевые корабли, пусть и малого класса. Адмирал торопился с этим.

Отошли мы ближе к Кронштадту. Ночь, как по заказу, тёмная была, всё же первое сентября уже. Когда прибыли на место, меня разбудили, спустили шлюпку, которая была на корме катера, и я один на вёслах отошёл подальше, кабельтовых на шесть, здесь точно не увидят. Достал сначала тральщик, причём меня опять чуть не захлестнуло волной, потом сторожевик и оба «шнелльбота», после чего помигал фонариком в сторону катеров.

Вскоре катера подошли ко мне. На них были перегонные команды, причём уже с командирами, назначенными на эти корабли. Представители контрразведки первыми осмотрели все отсеки, забрали все документы и карты, после чего суда начали осваивать команды.

А меня на одном из катеров доставили к стоянке моей подлодки. Второй катер остался охранять трофейные корабли, которые ещё нужно доставить на базу и принять. К тому месту уже и буксир шёл, может, кому пригодится, если с механизмами не разберутся. Хотя, возможно, немцев из бывшей команды тральщика используют, вполне могут добровольцев найти. А я, прибыв на подлодку, устроился у себя в каюте и сразу уснул.

* * *

Следующие три дня мне не до подлодки было. Всё же адмирал сделал мне отличный подарок: старпом действительно был просто незаменим. Он занимался освоением подлодки, тренировал и обучал команду новым для них механизмам, системам управления и вооружения. Комиссара уже назначили, но он пока был в

госпитале, после ранения отходил, через неделю должен прибыть.

А я был занят. Газеты пестрели статьями о действиях моих террор-групп, с фотографиями, где в основном был я с трофеями на заднем фоне: там виднелись боевые корабли, танки и самолёты с крестами. Информация всё же пошла в массы, и это вызвало огромный патриотический подъём среди населения.

В газетах часто мелькали фотографии и других захваченных кораблей, включая тральщик. Корабль, конечно, неплохой, но я решил себе другой захватить, нефтяной эсминец с турбинами. У того скорость чуть меньше сорока узлов, а тральщик едва восемнадцать даёт. Хотя, может, ещё такой у немцев уведу, тоже новенький.

За три дня я передал представителям авиации Балтийского флота все советские самолёты, от истребителей до штурмовиков и бомбардировщиков, которые шли на пополнение сильно потрёпанных в боях полков. Естественно, с запасами бомб, патронов и аэродромной техники.

Трофейные корабли уже приняли и ввели в состав флота, но с боеприпасами к ним было глухо, поэтому я поделился своими запасами, выдав по три боекомплекта на каждый корабль – пока хватит им. Выдал и торпеды для «шнелльботов», они те же, что и у моей субмарины. Для моей лодки на склад был отправлен двойной боезапас. Также я передал три десятка зенитных систем со средствами буксировки, это для нашей морской пехоты. И тут меня срочно вызвали в штаб флота.

Вообще, всю неделю я был занят, причём плотно, да так, что даже форму новую пошить не удавалось. Только заскочил к портному, чтобы тот мерки снял, а забрать было некогда. Ладно, форму мне, наконец, выдали: две повседневные и парадную, так что теперь по форме ходил.

К слову, мне и водителя выдали, молоденького краснофлотца. Доехав до штаба, я оставил свою «эмку» у входа и поднялся к кабинету командующего.

– Жалобы на тебя, – в лоб заявил он. – Ты почему родным не пишешь? Почему не встретился, я понять могу, времени нет, благодаря тебе весь штаб в авральном режиме работает, но хоть пару строк мог бы написать. Держи, эта пачка писем тебе, тут за два месяца, нашли всё-таки адресата.

– Спасибо, – несколько растерянно ответил я, забирая довольно толстую пачку писем.

– Садись. Вызвал я тебя по важному делу. Срочно в Москву отправляю. В связи с успехами нашего флота тебя награждают, всё подписано. Золотая медаль Героя Советского Союза с орденом Ленина за трофеи и орден Боевого Красного Знамени, это за Белоруссию. Ошибку учли. У твоего однофамильца награду забирать не стали, надеюсь, проявит себя в будущем, но на вид ему поставили. Сейчас иди в секретный отдел, заберёшь командировочное удостоверение и вылетаешь, борт уже ждёт. С оказией доставишь в Москву пакеты секретной части, курьер на аэродроме их заберёт.

– Есть, – вставая ответил я. – Жаль, с танками не успел. Сотню «тридцатьчетвёрок» обещал передать формирующемуся танковому полку.

– Вернёшься – передашь. Не думаю, что тебя надолго задержат.

Попрощавшись, я забрал бумаги, и водитель отвёз меня на военный аэродром. Я думал, там транспортник будет, а это оказался двухместный истребитель, между прочим, один из тех, что я передал в морскую авиацию. Двухместный учебный прототип Як-1, назывался Як-7УТИ, их пять было среди добычи.

Водитель подвёз меня прямо к самолёту, ему показали, где тот стоит. Однако сразу улететь мне не дали: когда я вышел из машины, здоровый такой майор-лётчик сграбастал меня в объятия.

– Парень, ты даже не представляешь, как мы тебе благодарны за «яки»! У нас в полку едва семь латаных-перелатаных «ишачков» осталось, от полка рожки да ножки, а тут сорок ящиков с истребителями! Восемь уже собрали, нашлись специалисты, да две учебные машины, начали переучиваться. Скоро мы покажем, что такое истребительная авиация флота!

– Да я тут при чём? – смущённо улыбаясь, ответил я. – Это всё бойцы террор-групп.

– Где они, я не знаю, а ты тут. Участвовал в захвате и освобождении нашего вооружения? Участвовал. Сейчас задержать не могу, вылет срочный. Но как

вернёшься (а Пашка тебя обратно доставит, на аэродроме будет ждать), вот тогда сразу не уедешь, шикарный стол накроем.

– Отказываться не буду, – улыбнулся я. Как я уже понял, майор был командиром этого истребительного полка.

Мне выдали лётный комбинезон, надели на меня парашют, шлемофон. Фуражку я пока за пазуху убрал и устроился в кабине. Сложно было с парашютом забираться, но сидеть на нём мягко. Механик застегнул привязные ремни, мотор взревел, и вскоре мы оказались в небе. Был вечер. Надеюсь, засветло доберёмся, всё же машина скоростная. Причём оказалось, я даже не знал насколько: меня как вдавило в спинку кресла, так и просидел весь полёт в напряжении. А я ещё думал, пока летим, письма от родственников почитаю, они у меня в планшетке были. Да какое там!

Приземлились мы в сумерках. Чтобы выбраться из самолёта, мне потребовалась помощь, настолько всё затекло. Причина была скорее в том, что я как замер, так и просидел весь полёт в напряжении, вот мышцы и одеревенели. Ну боюсь я высоты, что тут поделывать?

Меня уже ждала машина от наркомата флота с сопровождающим, а также фельдъегерь, который забрал пакеты из секретного отдела флота. Сопровождающий взял у меня вещмешок, в котором была парадная форма, и мы, устроившись в машине (это был ЗИС-101), покатали в город.

В гостинице «Москва» меня устроили в двухместном номере. Было одиннадцать часов ночи. Завтра награждение, а пока нужно спать. Так что принять душ, и в койку. А хорошо, что я один в номере.

* * *

Как ни странно, арестовывать меня никто ночью не пришёл, хотя я на всякий случай и приготовил противотанковую гранату. А что? Другим их не проймёшь. Парадную форму я вчера отдал горничной, её должны были погладить. Сопровождающий, который был такой же старлей, как и я, велел мне сидеть в номере и ждать дальнейших распоряжений. Так что будем сидеть и ждать.

Позавтракав в ресторане на первом этаже гостиницы, я вернулся и как раз чистил зубы, когда раздался стук в дверь. Времени было девять утра, что-то рановато, Ополоснув рот, я прошёл в комнату и без опаски открыл дверь: Взор показал, что там стояла горничная с моей формой.

– Вот, товарищ командир, я всё погладила.

Забрав форму, я придирчиво изучил её, улыбнулся и сказал:

– Марина, да вы кудесница. Никогда не видел такой класс в глажке. У меня теперь не форма, а произведение искусства, хоть сейчас в музей или на выставку.

– Ой, что вы, – разулыбалась она.

– Такая работа не должна оставаться без награды. Подождите.

Бережно положив форму на вторую кровать, я сделал вид, что покопался в планшетке, и достал коробку – подарочный набор конфет, купленный в Любеке. Преподнеся горничной довольно красиво оформленную коробку, я пояснил ей:

– В Германии купил, когда был там две недели назад.

– Да, я читала про вас и мальчишек из террор-групп. Спасибо.

– Ничего себе мальчишки! Да я там самым младшим был.

А ведь мне двадцать один исполнился в июле, я в тот день отдых себе устроил.

– Спасибо ещё раз, – прижав коробку к груди, поблагодарила она и убежала.

А я, закрыв дверь, вернулся в ванную комнату, где завершил все дела. Потом задумался. Вряд ли меня куда-то повезут до обеда, награждение обычно бывает после двух или вечером, так что время тянуть надо. Вон пачка писем ждёт, стоит прочитать.

Быстро сложив письма в стопку в хронологическом порядке, я начал читать с давних, дойдя в итоге до свежих. Ну, в принципе, всё понятно. Теперь я имел представление о том, что происходило в семье. Когда началась война, в письмах стала проявляться тревога. Писали, кто на фронт ушёл, куда и по какой специальности. Отца Ивана призвали, он теперь бригадир инженер. Генеральское звание, а должность та же – главный инженер судоремонтного завода.

В последних письмах сквозила откровенная паника: почему не пишу и куда пропал? Похоронок не было, поэтому надеялись, что жив. Кстати, в двух письмах написали адрес и номер телефона квартиры. Номера телефона я как раз и не знал. Сейчас думаю: почему бы и не позвонить? То, что я жив, они точно знают, из газет, а позвонить и извиниться за то, что не писал, нужно обязательно.

Прихватив письмо, в котором был указан номер телефона, я запер дверь номера и прошёл к столу горничной: здесь на каждом этаже была дежурная. К счастью, она оказалась на месте, но это была другая девушка, не та, что мне форму гладила. С этой дежурной я ещё не виделся: видимо пересменка прошла недавно.

– Доброе утро, – поздоровался я. – Я бы хотел позвонить в Ленинград на городской номер. Это возможно?

– Да, сообщите, какой номер вам нужен, и вам переключат звонок на телефон в вашем номере.

– Благодарю.

Продиктовав номер телефона квартиры Мальцевых, я вернулся к себе. В номере на столе действительно стоял на подставке большой чёрный телефон, но ранее он был мне без надобности, поэтому я не обращал на него внимания.

Кстати, в Любеке, в магазине часов, я приобрёл несколько настенных, два в виде шкафа и восемь штук настольных. Все они выглядели как произведения искусства, для того и брал. Были и наручные, но мне они без надобности: я трофейных с убитых немцев имел несколько тысяч.

Это я к чему. В том магазине были и телефоны, совмещённые с часами. Например, телефон, а основание – под старинную башню с часами. Были и Биг-

Бен, и Кремлёвская башня. Красота, два в одном, да ещё и со встроенными светильниками. Я такие тоже купил, да не в одном экземпляре – на подарки.

Вот и прикинул сейчас, что одна из таких покупок неплохо смотрелась бы здесь вместо этого чёрного страшилища. Впрочем, телефоны классического дизайна в том часовом магазине тоже были, я приобрёл пяток.

Звонок раздался минут через десять. Подойдя к столу и сняв трубку, я услышал голос телефонистки:

– Ленинград. Соединяю.

Почти сразу щёлкнуло, и раздался плохо слышный, но вполне различимый голос пожилого человека. С родителями Ивана жила бабушка со стороны матери. Прикинув, что родители на работе, а брат с сестрой в школе, я решил, что это, скорее всего, она.

– Бабушка? Это я, Иван.

Мне пришлось кричать, чтобы она услышала: видимо, бабушка была ещё и глуховата. Но я смог извиниться и попросить, чтобы она передала мои извинения и остальным, а также объяснил, что сейчас нахожусь в Москве, куда прибыл для награждения. Пообещал, что когда вернусь в Ленинград, обязательно их навещу. Договорить мы не успели, связь прервалась. Но главное было сказано, а остальное уже при личной встрече.

Я едва успел положить трубку на рычаг, как раздался требовательный стук в дверь. Взор показал троих военных в форме командиров НКВД. Я их ещё на первом этаже заметил, когда, качая Взор, отслеживал всё вокруг. Когда они поднялись на мой этаж, я начал подозревать, что они ко мне, а их разговор с дежурной только подтвердил мои подозрения. Вздохнув, я подошёл к двери и открыл её.

– Старший лейтенант Мальцев? Попрошу пройти с нами, – сказал тот из них, что имел шпалы лейтенанта госбезопасности. Двое других были сержантами.

– Парадку брать?

Я был в повседневной форме, только тужурку на вешалке оставил, да фуражка там же. На ногах у меня были гостиничные тапки. Я и не знал, что они тут есть, но увидев стоящие у входа две пары, использовал.

– Оставьте. Награждение состоится в восемь часов вечера, успеете вернуться и переодеться.

– Хорошо.

Дверь я не закрывал, и они пристально наблюдали за всеми моими движениями. Я быстро натянул свежие носки, надел ботинки, куртку, ремень с пистолетом. Изучив своё отражение в настенном зеркале у вешалки, я поправил фуражку, покинул номер и, сдав ключ дежурной, направился вниз.

Дальше как по классике: чёрная «эмка» и Лубянка. Сержанты отпочковались на входе, меня внесли в журнал посетителей, там же я сдал оружие. Лейтенант сопровождал меня в кабинет на втором этаже.

В кабинете на втором этаже за столом сидел майор госбезопасности – полковник, если переводить на армейские звания. А ведь меня в чём-то подозревают, раз двух волкодавов взяли для моего сопровождения. Сержанты явно опытные бойцы; думаю, они бы меня скрутили, хотя я с момента попадания в это тело активно его развивал.

– Присаживайтесь. – Майор указал на стул перед столом.

Лейтенант не вышел, а встал у меня за спиной, оперевшись о стену и скрестив руки.

– Майор госбезопасности Клюев, следователь по особо важным делам, – представился майор. – Вы лейтенант Мальцев? Или кто другой, кто носит его фамилию? Расследование показало, что лейтенант Мальцев до войны и лейтенант Мальцев сейчас – это два совершенно разных человека. Два дня назад по нашей просьбе ваш отец прошёл в двух метрах перед вами, а вы его так и не узнали. Как не узнали родную мать и брата. С сестрой решили не проверять.

– О как, сразу в лоб, – усмехнулся я и, подняв руки, беззвучно поаплодировал. – Я восхищён.

Честно скажу, я подозревал, что до такого дойдёт. Актёр я так себе, постоянно держать роль Мальцева я бы не смог, да и не знал я, как он вёл себя в жизни. Моя индивидуальность так или иначе прорывалась, поэтому я постепенно заставлял людей привыкать к новому Мальцеву, благо после перевода я сталкивался в основном с незнакомцами. Но то, что мне устроили проверку с его родными – вот это невольно восхитило меня.

Даже не знаю почему, но фотографий семьи у Ивана при себе не было, я не нашёл. Как бы я его родных узнал, если никогда их не видел? Так что юлить не было смысла: меня прижали и теперь, пристально отслеживая мои реакции и эмоции, ждали, как я себя поведу. Мои беззвучные аплодисменты не смутили майора: он понял, что я таким образом тяну время, обдумывая, что делать дальше.

Молодцы. Отличную работу провели. Что ж, придётся раскрываться, иначе не выйду отсюда.

– Это всё, что вы скажете? Итак, как вас на самом деле зовут? – произнёс, наконец, майор.

Я несколько секунд сидел и смотрел на него, потом неуверенно пожал плечами и сказал:

– Я не совсем уверен, но мне кажется, Мальцев Иван Иванович. Впервые я осознал себя как личность в конце мая, очнувшись в военно-морском госпитале в Риге. От соседа по палате, который в довольно резких выражениях высказался в мой адрес, я узнал, что я лейтенант Мальцев и являюсь командиром подводной лодки. С того момента прошло четыре месяца, никаких проблесков памяти прежнего Мальцева (а я не отождествляю себя с ним), ни разу не было. Я эти четыре месяца живу с чистого листа.

Ещё в госпитале я представил себе, что рассказываю врачам о потере памяти, и увидел себя в халате сумасшедшего, с завязанными руками, в психиатрической больнице, где мне ставят уколы, доводя до состояния овоща. Бред, конечно, но эта картинка была такой ясной, что я поклялся себе никому не рассказывать о

потере памяти, или, как её правильно называть, амнезии. Разве что в угол загонят, вот как сейчас это произошло.

Меня исследовал пленный немецкий врач из Берлина, настоящее светило медицины, он и поставил такой диагноз, сказав, что я уникам, и он такое впервые встречает в своей практике. Памяти о прошлой жизни нет, а всю школьную программу помню, даже вроде на университет знания тянут. Речь у меня правильная, не нужно проходить обучение и социальную адаптацию. Мне это действительно помогло, никто и не заподозрил, что Мальцев изменился. Врач действительно хорошо поработал, и я выполнил своё обещание – отпустил его живым. Он подписал обязательство не участвовать в этой войне, снимет мундир и вернётся к мирной практике в Берлине.

– Значит, амнезия?

– Она, родная. Я даже рассказывать не хочу, как делал свои первые шаги в новом для меня мире. Сейчас со смехом можно вспоминать, а тогда реально страшно было. Никого из команды не знаю, месяц потратил на то, чтобы научиться управлять лодкой с нуля. Поступил достаточно просто: в учебных выходах поручил командование и управление старпому, якобы тому опыта набраться надо, а сам наблюдал и запоминал. Помогло. Подводник я, конечно, средний, но опыт всё же имею. Он мне понадобился при перегоне трофейной немецкой подводной лодки, когда вместо экипажа – пятнадцать бойцов осназа, которые ни хрена не знают, и каждого носом ткнуть нужно, какой штурвал крутить или что нажимать. Я там единственный моряк был, чуть голос не сорвал...

Или вот на второй день, как себя осознал, услышал от британских моряков английскую речь в порту и отлично их понял, для меня их речь звучала как родная. Я три дня с ума сходил, подозревая, что я английский шпион, пока в письмах от родителей не узнал, что мать у Мальцева – учительница английского языка. Это ладно, но я отлично говорю и пишу на немецком. В письмах об этом ничего нет, владел ли Мальцев этим языком, я не знаю. И это только по двум языкам, но я не знаю, известны ли мне ещё какие, времени проверить не было. Общались в основном на русском да немецком.

– Интересная история. Мальцев немецкого не знал. А как вы объясните покупку шлюпки?

– Я же вроде как моряк, а на вёслах ходить не умею. Учился. На руках мозоли заработал, но вроде что-то получаться стало. Всё своим умом доходил, с инструктором быстрее бы усвоил. Ещё смотрел, как другие матросы на вёслах ходят, и повторял ночами. Это ещё ладно, вы бы видели, как я запоминал словарь морских терминов. И надо было его писать и людей путать?

– М-да... – Майор явно был растерян: он ожидал многого, но явно не такого признания.

Но не правду же ему рассказывать, а амнезия должна сработать. И кстати, Взор показал, что установленный в кабинете микрофон подавал звук в другой кабинет, где сидели и слушали трое. Одного я сразу узнал – всеильный нарком НКВД. Похоже, я его заинтересовал, потому и объяснения давал под видом сумбурного оправдания, но тщательно их продумывая.

– Ладно, допустим, что всё так и было, проверим. Но как на тебя вышел этот вербовщик? До или после?

– Конечно до. Он очень сильно удивился, когда я его не опознал. Именно вербовщик первый узнал о потере мной памяти, вы второй. Это произошло через неделю после того, как я покинул госпиталь. Оказалось, не ответил на сигнал и не забрал посылку с новой информацией – как будто бы я знал. Тогда он встретился со мной лично, и всё разрешилось. Он предъявил корочки порученца Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

– Когда произошла эта встреча?

– Пятого июня.

– В то время товарищ Сталин ещё не был Верховным главнокомандующим. Это произошло в августе.

– Я тоже об этом подумал и поинтересовался. Мне объяснили, что пока информация об этом не доведена до граждан Советского Союза. Так вот, он предъявил документ за подписью Мальцева (это была его подпись, я столько её изучал и пытался скопировать, что сразу узнал). Это было согласие на работу в Ставке Главнокомандующего. Я оказался перед выбором: рассказать об этом особистам нашего учебного дивизиона или промолчать. Если рассказать,

вскроется информация о потере памяти. Но мне начала нравится работа подводника и терять её я не хотел, и к тому же мне было любопытно, что это за работа на Ставку.

- Курировать работу террор-групп.

- Да. Также я выступал в качестве посредника. Бойцы являлись закрытым подразделением, и их лица видел только я. Поэтому именно я общался с окруженцами и военнопленными, которых мы освобождали из лагерей, вооружали, помогали им припасами и отправляли в сторону передовой. Я специально носил с собой форму морского командира, переодевался перед встречей, а в другое время, как и все, бегал в пятнистом камуфляжном комбинезоне. Разве что тельнику не изменял, вместо рубахи его носил.

Когда группы отозвали, я вернулся, ну и дальше начал с нашими работать. Адмирал ухватился за возможность представить флот как эффективную боевую единицу, что и сделал, предъявив трофейные боевые корабли. Формально он прав: я числюсь за Балтийским флотом и участвовал в абордажах. Только я сразу предупреждаю, товарищ майор госбезопасности: всё, что я вам сейчас говорил, тут, в кабинете и останется. Если информация об амнезии разойдётся, меня же снимут с командования лодкой, а я только-только её получил, хотя сам пригнал её в Ленинград.

Я разработал методику подводной войны и хочу применить её на практике, я не могу упустить такой шанс. Если вы спросите опытных подводников, они все как один вам скажут, что невозможно с посторонними людьми, которые впервые спустились в недра подводной лодки, совершить довольно сложный перегон по акватории, где ведутся боевые действия. Я бы раньше тоже так сказал, однако я это сделал, и лодка стоит у причала в Ленинграде.

- А вторая?

- Вот тут не знаю. Парни из группы старшего лейтенанта Сувалки захватили её вместе с заводскими испытателями, лодка новая, флоту передать не успели. Пленные и управляли лодкой. Куда её угнали, я не знаю, но парни Сувалки уже через двое суток вернулись, все были на месте. Вообще в террор-группах не то что убитых - раненых не было за всё время ведения боевых действий на территориях противника. Одно это является доказательством их

профессионализма. А награды, к которым я представлен, и звание старшего лейтенанта заработаны лично мной, не прошлым Мальцевым, и честно.

– Любопытно... – Майор откинулся на спинку стула и сообщил: – Три дня назад, когда вы посещали флотскую баню, с вами в парной был ваш младший брат. Он с уверенностью заявил, что вы – это вы. Все родинки, два шрама, полученные в детстве – всё на месте. Потеря памяти многое объясняет, но то, что вы были вовлечены в действия неизвестной пока службы, заставляет... недоумевать. Зачем им именно вы?

– Как я слышал, Мальцев был выбран после долгого отбора, даже психологи работали, многие отсеялись, а его взяли. А со мной, получается, вынужденно работали, когда я узнал их тайну. Да и жалоб на меня не было, даже премировали личным автомобилем – трофейным «мерседесом» с откидной крышей. Мы его прихватили, когда брали один из немецких штабов, я тоже участвовал.

– И где этот трофей?

– У парней. Отдадут, как только попрошу.

– Кстати, по трофеям, которые вы успели передать балтийцам. Авиация, зенитки... КАК это всё смогли доставить к городу?

– Не спрашивайте. Именно это и я слышал, когда задавал подобные вопросы. И ещё, товарищ майор: можно вам взятку дать? Таких автомобилей было захвачено множество, я попрошу ребят, и они перегонят в Москву, через пару дней будут здесь. Трофейные авто, я подарю вашему наркомату десять штук. С условием, чтобы информация о моей потере памяти не вышла за пределы этого здания.

Майор рассмеялся и поинтересовался:

– Не дёшево ли вы оцениваете услугу?

– Машины отличные, генеральские: «хорьх», «мерседесы», есть итальянские модели. Ладно, двадцать.

Что интересно, Берия заинтересовался, хотя и не в том, что я предлагал, и отдал несколько распоряжений. Когда я делал очередное предложение – тридцать машин, – в кабинет без стука вошёл командир в звании старлей и, обратившись ко мне, спросил на чистейшем французском языке:

– Месье Мальцев, учитывая, что вы начали жизнь с чистого листа, я вынужден спросить: вы остались советским человеком или нет?

– О, а я вас понимаю, – ответил я на том же языке. – На ваш вопрос отвечу так: я пока сам ещё не уверен. Немцы, без сомнений, наши враги, и я буду воевать с ними, не щадя своей жизни. А так, если подумать, девушки вокруг – это наши русские девушки. Парни и другое население, Земля – это всё родное. Знаете, я припоминаю такой стих:

Я узнал, что у меня

Есть огромная семья:

И тропинка, и лесок,

В поле каждый колосок!

Речка, небо голубое —

Это всё моё, родное.

Это Родина моя,

Всех люблю на свете я!

Поэтому я могу ответить так: да, я советский человек, но если мне прикажут что-то, что идёт вразрез с моими жизненными принципами, я буду против.

– Французским владеет в совершенстве, – пояснил майору старлей и перевёл всё, что я сказал.

– Значит, ранее вы не знали, что говорите на французском? – уточнил у меня майор, когда старлей вышел.

– Не знал. И думаю, узнаю больше. Проверять надо. Кажется, в гостинице иностранцы имеются на постое, пообщаюсь, узнаю. Хватит просто послушать их

речь, чтобы понять, знаю или нет. Мне самому любопытно.

Майор устало потёр виски кончиками пальцев и проворчал:

– Тяжело с вами. Ваш рапорт по действиям террор-групп я читал, звучит как приключенческая фантастика. Вы можете что-то добавить к сказанному?

– М-м-м... Да. Только моей группой были отбиты у немцев несколько боевых знамён советских частей. Наши группы вернули два полковых, дивизионное и погранотряда. У других тоже среди добычи были такие находки. Общее количество знамён – девятнадцать, плюс восемь захваченных немецких стягов. Я их должен был передать представителям нашего командования, да не успел, времени не было даже присесть. Да и забыл я об этом, сейчас вот вспомнил.

– К этому вопросу ещё вернёмся. Есть ещё вопрос по вашим действиям: ведь трофеи вы могли передавать нашим войскам не сразу по возвращении, а постепенно. В этом случае вы быстро стали бы героем, получили награды. Почему столько тянули?

– Скажу честно, это было моё решение. Знаете, жизнь с чистого листа на многое заставляет взглянуть по-другому. Например, вышестоящие командиры, с которыми я имел дело, если у них звание выше, ведут себя так, словно они над тобой царь и бог. Хамство, тупость, упёртость в своих действиях, даже если они ошибочны, дают такой коктейль... Я знал, что после первой передачи меня не отпустили бы обратно, боялся, что какой-нибудь командир, надавив своими шпалами, заставит меня остаться, вот и тянул до последнего.

И подлодку сначала спрятал, положив в порту на грунт, а потом на машине въехал в город с другой стороны. Так я мог передать её без проблем, а тут поди докажи, что она не немецкая. Сначала расстреляют, потом спросят, какого хрена. Одним словом, разочаровался я в службе. Так что до конца войны честно буду тянуть ляжку, а потом уйду на гражданку. Капитаном какого-нибудь судна стану, я это уже твёрдо решил, было время подумать. Нравится мне море. В общем, я не терплю власти над собой. Именно поэтому, когда мы доставляли из окружения на наши территории раненых целыми медсанбатами и госпиталями, я там светиться не хотел. Делали всё незаметно и уходили.

– Сколько вы вывезли?

– Я так навскидку не скажу, записи нужно поднимать, но около тридцати тысяч раненых. А с медперсоналом тридцать пять тысяч.

Дальше уже пошёл конструктивный и довольно профессиональный допрос. Много что описывал и рассказывал, не касаясь бойцов террор-групп как личностей: тут табу. Да не ответил на несколько вопросов, которые мне запрещали задавать бойцам и командирам групп.

Под конец, где-то часа в три дня в кабинет вошёл Берия. Я видел Взором, что он идёт, поэтому не особо удивился, но, конечно, вскочил при виде высокого чина.

– Садитесь, – разрешил он.

– Сесть я всегда успею, лучше присяду.

Шутку Берия не оценил, остро взглянул на меня и сказал:

– Мы вполне оценили ваш вклад в общую победу, товарищ Мальцев, поэтому на сегодня закончим. А пятьдесят машин передадите в гараж наркомата.

– Есть, – козырнул я.

Ничего себе, Берия взятку взял. Пусть и для наркомата, но, по сути дела, это именно взятка. Однако я решил: раз уж наглеть, так по полной. И когда нарком явно намылился к выходу из кабинета, я обратился к нему:

– Товарищ нарком, парни из террор-групп, узнав, что меня в Москву на награждение вызвали, решили отобрать один из трофеев и через меня подарить его товарищу Сталину. Это настольные часы в виде макета Спасской башни, три в одном: часы, телефон и светильник. Вещь красивая. Я такой же хочу подарить отцу Мальцева в качестве извинения: мало ли, не примут меня. Подарок упакован в фабричную коробку. Я дам сигнал, и его принесут ко мне в номер. Я в курсе, что без проверки дарить нельзя, так что как принесут, я через дежурную по этажу передам его вашим сотрудникам, они заберут и проверят. Вот такая просьба.

– Хорошо, я распоряжусь.

После этого меня на той же машине вернули в гостиницу. Было уже пять часов, а меня не кормили, поэтому я отправился обедать в ресторан. В ресторане я демонстративно прислушивался к речи иностранцев, понимая что за мной следят. О двоих я знал точно, но и персонал, скорее всего, тоже наблюдает.

После обеда я поднялся в номер и минут через десять, покинув его, сообщил дежурной, что подарок товарищу Сталину находится у меня в номере. Как он там оказался, пусть сами думают и восхищаются возможностями бойцов террор-групп.

Буквально через минуту пришли двое – те самые сержанты, что приходили за мной утром. Осмотрели коробку, стоявшую в центре комнаты, потом один из них подхватил её на руки и оба ушли.

Через час меня пригласили к выходу: машина пришла. Я вышел в полной парадной форме и меня отвезли в Кремль. На входе проверили, обыскали, и вскоре сопровождающий провёл меня в зал и, указав мне моё место, ушёл. Зал медленно наполнялся.

Награждение особо ничем не запомнилось. Конечно, всё было вполне торжественно, я заметил иностранных журналистов. Награждённых было пять десятков, из них девятнадцать получили Золотые медали, в том числе и я. Сюрпризом стало то, что я получил повышение в звании, став капитан-лейтенантом. Наградил Калинин. Награды были именно те, о которых говорил Трибуц: Звезда Героя, орден Ленина и «боевик». Я поблагодарил за награды и вернулся на своё место.

Потом был банкет, после которого я слегка задержался, потому что мы, зацепившись языками, долго общались с капитаном-танкистом. Наконец, я собрался уходить. Оружие я с собой не брал, в номере осталось, шинели нет, надеюсь, не замёрзну, ночами в Москве было уже довольно прохладно.

Я уже прошёл к выходу, и тут меня тормознули. Ко мне подошёл сержант госбезопасности, козырнул и сказал:

– Товарищ капитан-лейтенант, попрошу пройти за мной.

Шли мы недолго, и вскоре меня ввели в небольшой зал для совещаний, человек на тридцать. В зале было шестеро: кроме Берии здесь находились Сталин, Мехлис и Шапошников. Помимо них присутствовали также начальник охраны Сталина генерал Власик и нарком ВМФ адмирал Кузнецов.

Когда я вошёл в зал, Сталин первым нарушил тишину:

- Проходите, товарищ Мальцев. Да, спасибо за башню с часами, действительно делал мастер. Немецкий трофей?

- Из Любека, товарищ Сталин, - кивнул я.

- Я так и понял. Товарищ Мальцев, я пригласил вас поговорить о боевых знамёнах советских частей, которые попали в руки врага. Их действительно девятнадцать?

- Именно так.

- Когда вы сможете их передать?

- Так прямо сейчас, товарищ Сталин. Парни из террор-группы подали сигнал, что всё уже тут. Как я понял, самолётом доставили. Нужна машина, я съезжу и заберу.

- Чуть позже. Сегодня для вас радостный день, награды вы заслужили и получили честно. Работа подразделений, в составе которых вы два месяца воевали с противником, признана успешной. Даже я слышал о их действиях, только недавно стало ясно, кто это работал. Но у страны не всё так хорошо. Сегодня замкнулось кольцо окружения колыбели советской революции - Ленинграда. Ситуация для страны действительно тяжелая, поэтому я хочу задать такой вопрос: чем вы можете помочь стране и народу?

- Постараюсь всем, чем смогу, товарищ Сталин. Я, конечно, не самый опытный подводник, но надеюсь, обо мне ещё услышат.

- Я имею в виду то вооружение, которое вы уже передали морякам-балтийцам.

– А, вы о захваченных трофеях и складах? – понял я и, подумав, ответил: – Всё можем передать. Только около недели потребуется на то, чтобы всё это перекинуть под Москву. Я, конечно, всех возможностей парней из террор-групп не знаю, но видя, как они работают, подсчитать сроки не так и сложно. Семь дней.

– На что мы можем рассчитывать?

– Так на всё, – пожал я плечами. – Все склады, не уничтоженные нашими при отступлении, мы отбили обратно и вывезли, как и брошенное вооружение и технику. В основном брали целое, брошенное из-за отсутствия топлива. Повреждённые и сломанные образцы вооружения оставляли.

Танков около пятисот, в основном «тридцатьчетвёрки» и КВ, хотя есть и восемьдесят единиц Т-28. Девятьсот стволов артиллерии разного калибра, тягачи, грузовиков три тысячи, полуторки и ЗИСы. Стрелкового оружия на корпус, включая пулемёты. Их как раз на две армии хватит, включая крупнокалиберные и зенитные. С авиацией не так хорошо. Большую часть передал Балтийскому флоту, остались трофеи в количестве трёхсот единиц. Брали всё новое без использования. Аэродромная техника также присутствует.

– Однако, – только и сказал Мехлис.

Сталин слушал внимательно, Шапошников делал какие-то записи, видимо фиксировал с моих слов количество вооружения и имущества, Кузнецов благожелательно смотрел на меня. Впрочем, на этом всё.

Меня отправили за флагами, выдав «эмку» без водителя. Я сделал круг по городу, сбросил хвост и вернулся уже со знамёнами. Их проверили на входе и забрали, а меня отвезли в гостиницу.

Времени было одиннадцать ночи, так что я отправился в душ (а то пропотел хорошо – нервы), а после и спать. А форму отдал дежурной: мне нужно было пришить дополнительный галун на форму, так как у капитан-лейтенанта два средних галуна, над ними узкий и выше звезда. Дежурная забрала форму и заверила меня, что их мастер всё сделает.

* * *

Утром я посетил наш наркомат, Кузнецов приказал. Здесь мне сменили удостоверение, выдав новенькое, соответствующее моему званию, и только после этого отвели в кабинет к адмиралу. Он поговорил со мной на общие темы: видно, что знакомился со мной, желая узнать, что я за человек и можно ли на меня положиться.

Всё-таки я твёрдо сказал: семь дней. И всё, что я перечислил, должно быть тут, а не у Ленинграда. Хотя насчёт Ленинграда ещё решают: возможно, что-то придётся там передавать, а что-то тут. Требуются списки вооружения, но понимая, что я просто не мог помнить и знать всё, решили, что передавать будем по ходу дела. Я его успокоил: мол, всё будет решено.

После этого он отправил меня обратно в гостиницу. Вопрос насчёт меня всё ещё решается, а иначе летел бы уже в Ленинград. Кстати, истребитель, на котором я прилетел, ещё вчера отправили обратно, поэтому возвращаться буду на транспортнике.

Вернувшись в номер, я попросил вызвать мне портного: шинель пошить, а желательно из готового подогнуть, так быстрее, а то моя в Ленинграде, а в Москве действительно холодно. Забавная ситуация: я в Ленинграде, где севернее, гонял по окрестностям в обычной повседневной форме и ничего, только пар шёл, а как сюда прибыл, мёрзнуть начал. Это точно из-за истребителя: пусть колпак хорошо был закрыт и не дуло, но заморозило меня в нём, вот и не могу отогреться.

Поэтому я и лежал, отогреваясь, в ванне, в горячей воде, пока не пришёл портной. Он снял мерки, сказал, что через час шинель будет у меня, и ушёл. И ведь не обманул, принесли, сидела как родная, так что расплатился с портным и ещё сверху доплатил, в качестве премии. Ну, теперь легче.

А после обеда, ближе к двум, за мной прислали машину, которая отвезла меня в Кремль, где Сталин у себя в кабинете лично поблагодарил за знамёна и приколот к моей груди орден Ленина – это второй у меня. После Сталин сказал, что ждёт меня в Москве через шесть дней, для передачи вооружения и техники, а пока свободен. Наградное удостоверение я забрал у секретаря.

Заехав в гостиницу, я забрал свои пожитки, и меня отвезли на аэродром, с которого как раз отправлялся в Ленинград ПС-84, копия американского транспортного «дугласа». Вот на нём я и долетел. Над линией фронта нас встретило звено истребителей и довело до аэродрома, поэтому полёт закончился благополучно. А вообще, стоит ночью летать, а то засветло в Ленинград прибыли, а это дело опасное.

* * *

Следующие две недели прошли в такой спешке, что я даже спать не успевал. По пять часов на сон тратил, не более. И только дважды на час вырвался на борт своей лодки. Учёба там шла аврально, но, похоже, подходила к концу. Можно было планировать первый выход, о чём я отрапортовал командующему.

Был я и у родственников Мальцева. Поругали меня, что забыл о них, но понимали: война и служба. Сделали семейное фото со мной при полных регалиях. Я ещё пару раз заскакивал гостинцы передать и запас угля в квартире сделал. Там печь дровяная, но с углём тоже работает. К тому же мало ли зимой буржуйку потребуется поставить.

Сегодня было двадцать четвёртое сентября, восемь часов утра, и моя «семёрка» в сопровождении двух тральщиков шла в сторону минных полей. Я стоял на рубке, держал в руках отличный трофейный бинокль и, иногда осматриваясь, размышлял. Мне не мешали вахтенный командир и двое сигнальщиков, которые также внимательно наблюдали за горизонтом. Зенитчиков у орудий не было: если что, мы сразу уйдём под воду. Кстати, перед пересечением минных полей нас ожидало первое учебное погружение. На мелководье, там сорок метров всего.

Что касается передачи добычи Союзу, то на данный момент заполненность Хранилища составляла двадцать три процента, и то в основном за счёт топлива, слитого с терминалов. Большую часть продовольствия я передал командованию обороной Ленинграда и руководству города. Множество небольших складов было создано и взято под охрану. Одно ясно: продовольствия на пару лет блокады без экономии точно хватит. Этим я снял огромный камень со своей души.

Из вооружения я передал две сотни артиллерийских стволов, столько же миномётов, пару сотен грузовиков и не так уж много танков: сорок Т-28 и пятьдесят Т-34. Всё топливо, которое было в бочках, тут же передал на созданные склады, а также стреловое оружие на шесть стрелковых полков, патроны и гранаты, но не так и много: у самого мало было. Всё остальное осталось под Москвой. В это время произошла Киевская катастрофа, и вооружение как раз в тему было.

Сейчас по улицам Москвы катались тысячи две немецких авто, из них шестьсот роскошных. Свой наркомат я не забыл, Кузнецову «хорьх» подарил, Берии тоже. Да и пятьдесят машин в его гараж, как и обещал, поставил. Вот на всё это и ушло время.

Себе я оставил продовольствия двести кубов, топливо, которое было без ёмкостей, дрова да уголь. Из оружия два пистолета «Вальтер» с глушителями, и хотя они расстреляны так, что уже ничего не глушат, я ещё решу эту проблему.

У меня оставались также сотня СВТ, двадцать винтовок и двадцать карабинов Мосина, десять ручных пулемётов ДП, десять ДТ, пять «максимов», пять ДШК на пехотном станке и ещё пять зенитных. Плюс четыре зенитные установки счетверённых пулемётов. К каждому имелся двойной боекомплект. Пара ящиков оборонительных гранат, «лимонок» (РГД-33 я не любил) и три ящика противотанковых. Два полковых миномёта, два батальонных и два ротных, к каждому по пятьсот мин.

Из артиллерии оставалась лишь одна противотанковая пушка в 57 миллиметров и пять сотен снарядов к ней, и по одной гаубице – в 122 миллиметра и 152 миллиметра. Боекомплект каждой гаубицы составлял двести снарядов.

Из мото- и автотехники были два легковых мотоцикла-одиночки, один тяжёлый, советский, купленный мной в Минске, одна вездеходная «эмка», французский пикап, пять полторок, пять ЗИС-5, один броневик БА-10М, пять танков Т-35А, два Т-40 и по одному БТ-7М, Т-28, ХТ-26, ХТ-130, ХТ-133, Т-34, КВ-1, КВ-2. Все на ходу, полностью заправлены, обеспечены топливом, огненной смесью и боезапасом – хоть сейчас в бой.

Из авиации был один У-2, два «шторьха» и два гидроплана «Арадо-196». Лётчик тот же. Также стоит упомянуть наличие советского автожира модели А-7. Он в

полном порядке, заправлен, вооружение установлено, но лётчика для него не было.

Всё съестное, как купленное мной, так и приготовленное, осталось. Остались при мне и восемь армейских полевых кухонь, и наших, и немецких. Из золота, отбитого или захваченного немцами, а после захваченного мной уже у них, я отдал восемьдесят процентов, при мне осталось пять тонн в слитках и монетах. Из восьмидесяти миллионов рублей оставил пять, немецкие деньги все оставил – чуть больше двух с половиной миллионов рейхсмарок. Золото – мой НЗ.

Остальное всё ушло, включая трофеи от немцев, технику и авиацию. Ах да, морской моторный катер и моторная яхта, как и шлюпка, купленная мной в Риге, тоже остались в Хранилище. «Девятка» также на месте была. Ну и запчасти и боекомплект для субмарины. Вот теперь точно всё. Лошадей в этот раз я не брал, только тягачи, тракторы и грузовики.

Я оторвался от размышлений и, осмотревшись, сказал вахтенному командиру:

– Мы на месте, приготовиться к учебному погружению.

Он передал мой приказ вниз. Я первым скатился по лестнице, за мной вахтенный и сигнальщики, которые закрывали люки. Сигнал командам тральщиков передали, так что они отошли чуть в сторону. Вскоре лодка ушла на глубину двадцати метров, двигаясь дальше на электромоторах. Потом погрузились ещё на десять метров, дальше опасно: о дно можем удариться.

Всплыв на перископную глубину, я осмотрелся в перископ (неплохая оптика) и приказал сообщить по отсекам. Однако всё было чисто, акустик доложил, что кроме шума машин сопровождающих кораблей ничего не слышит, так что я отдал приказ на всплытие. Потом мы дошли до наших минных полей, тральщики провели нас, и дальше мы пошли самостоятельно.

В синеве сигнальщики засекли высотного разведчика, не нашего, так что мы ушли на глубину в пятьдесят метров и дальше пошли на малом ходу. Я находился у себя в каюте, изучал приказ, который мне вручили сегодня утром в шесть часов, фактически пинком отправив в рейд. Я прибыл на готовую к выходу лодку, загруженную припасами, и вот мы уже выполняем задание.

Естественно, нашу лодку в банальное патрулирование отправлять смысла нет, свои же потопят, поэтому приказ такой: дойти до порта Любек, раз уж я его знаю, и при возможности атаковать крупные суда и боевые корабли. То есть по факту учебный выход совместили с боевым. М-да, у нас одно учебное погружение без учебных пусков боевых торпед. Действовать мне надлежало по обстановке, и лично мне это очень даже нравилось. Думаю, Трибуцу кто-то умный посоветовал отдать такой приказ.

То, что я постоянно на связи с террор-группами, известно всем, значит, имея широкие полномочия, я могу устроить немцам что угодно, вот и дали мне такую возможность. И не зря, я на Балтике собирался устроить настоящий террор, благо запас торпед и снарядов для лодки тоже был солидный. Однако если что, у немцев же и позаимствую. А помощь моя была вовремя: сильно замедлились переговоры по ленд-лизу. А теперь по факту у нас всё и так есть, лишь боеприпасы нужны.

Закончив изучать приказ, я убрал его в сейф и, устроившись на койке, скинув ботинки, прошёлся Взором вокруг. На дальности работы на воде были одна сорванная с якоря плавающая мина и труп лётчика в спасательном жилете. Я уже посмотрел кто это: не наш, финн.

Вот на дне куда интереснее: одних старых парусников с полсотни только в зоне видимости, а также старый броненосец, который разломился пополам. У него были остатки больших гребных колёс по бокам. В общем, добычи внизу немало, только глубина большая, триста метров.

Хм, странно даже: лодка моя, а команду не знаю, её Мальков тренировал. Надеюсь, в этом боевом походе узнаю команду от и до. Да, со старпомом стоит поговорить о людях: что от каждого ожидать. На борту также имелся представитель особого отдела, он же штатный врач. Чую, весёлые денёчки нас ждут.

Закончив осматриваться, я разделся и вскоре уснул. Вахта у меня ночная, там подъём, запуск дизелей и дальше на них шуруем, заряжая параллельно аккумуляторы. А пока стоит отдохнуть. Уже засыпая, отметил, что наверху началось волнение. Похоже, буря идёт, а синоптики убеждали, что ещё сутки отличная погода будет. На этом и уснул.

* * *

Разбудили меня ближе к вечеру. Потянувшись, я отпустил матроса и вздохнул: немецкие подводные лодки типа VII были отличными машинами для войны, но в плане комфорта сильно уступали другим лодкам. Могу сказать только одно: на борту была всего одна индивидуальная каюта – у меня, капитана. У остальных ниши, которые закрывались занавесками. Койки друг над другом. Это у командиров. У унтеров (а у нас старшин) чуть хуже, и совсем в тесноте спали простые матросы.

Между прочим, многим после своей старой подлодки, уничтоженной авиабомбой, «семёрка» казалась совсем небольшой. Два галюна на борту, сейчас работают оба, но не факт, что надолго: проблемы с ними, это большая тема немецких подводников. Когда немцы уходят в долгий рейд, то в одном из галюнов делают склад свежих продуктов и пользуются одним на пятьдесят человек; думаю, вы поймёте, какая вонь там стояла. Мы же уходили на двадцать дней, если раньше не поступит приказ возвращаться.

Да, ещё у врача была своя каюта, но она же и санитарный пункт. Там он лечит, осматривает и проводит операции при необходимости, ну и живёт там же. Причём если есть раненый, он оставляет его на своей койке, а сам спит на месте раненого. Я уже говорил про тесноту. Добавлю, что некоторые койки имеют двух владельцев: пока один на вахте, другой спит.

Осмотревшись Взором, я отметил, что мы всё также идём под водой малым ходом. До заката час, на борту уже переизбыток углекислоты, всё же пять десятков человек в тесном замкнутом пространстве, семь часов под водой. Большая часть так и спали, но такая тренировка дала понять, что предел есть, эти семь часов команда под водой просидеть сможет. Я слышал, что какие-то команды и сутки на грунте лежали, пока над ними эсминцы ходили, но не знаю, правда это или нет. Сам я читер и собираюсь пользоваться своими умениями.

Позавтракал я в кают-компании вместе с другими командирами, была рисовая каша с маслом и чай с булочками. После этого, приняв лодку, отдал приказ на всплытие, который команда встретила с заметным облегчением. Многие из матросов лежали на полу: там дышалось легче.

Сначала мы всплыли на перископную глубину. Горизонт чист, небольшое волнение есть, но не более, небо тоже чистое, так что всплыли на поверхность, и я отдал приказ открыть люки. Наверх мигом поднялись сигнальщики, и вниз хлынул такой живительный воздух. Заработали дизеля, и пошла зарядка практически в ноль разряженных аккумуляторов, продолжалось тестирование систем лодки.

Пока зенитчики заряжали орудия – два зенитных автомата и палубное орудие, последнее для тренировки, – матросы получили разрешение проветриться и, поднявшись наверх, прогуливались по палубе.

Я не был вахтенным командиром, им был лейтенант Остриков, просто ночью я контролировал лодку, а старпом днём. Сейчас он, поужинав, отбивал ко сну. Лодка будет всю ночь идти в сторону Швеции, потом поворот. Через трое суток мы должны быть у Любека. Это если идти на полном ходу, но я думаю, что дорога займёт больше времени, может и до пяти суток дойти, если мы кого-нибудь встретим и придётся обойти или переждать под водой.

Двигались мы уже порядка шести часов, я как раз пил кофе у себя в каюте: кок, перед тем как отбыть ко сну, наварил и залил его в мой командирский, на два литра термос. И в это время Взор показал на границе дальности чужую субмарину, которая, как и мы, в надводном положении шла нам навстречу. Я сразу опознал британскую подлодку.

Быстро прослушав, о чём на ней общаются вахтенные, я понял, что они идут к Финляндии. Два офицера прикидывали на карте, как высадить пять человек, причём так, чтобы их не засекли. Они должны были сделать это поближе к Хельсинки. Я пока не понял их интерес к финнам, но мне это уже не нравится.

Я снял трубку, висевшую на стене, и услышал голос вахтенного:

– Товарищ командир?

– Стоп машины. Глушите дизеля. Тишина в отсеках. Акустику слушать.

– Есть.

Я как раз чашку помыл и вышел из каюты, направляясь к посту акустика, который располагался в соседнем помещении. И тут акустик как раз высунулся из помещения с наушниками на голове. Это был старшина первой статьи Голиков, который сообщил:

– Товарищ капитан, слышу шумы. Пеленг прямо по курсу. Дизеля. Похоже, подлодка. Далеко, пока не разобрать, чья.

Остриков, продрогший, несмотря на тёплую одежду, уже спустился с мостика и вопросительно посмотрел на меня.

– Любая субмарина для нас опасна. Уходим на глубину. Тут, согласно картам, сто шестьдесят метров до дна, идём на рабочую в пятьдесят, – велел я ему. Попросив у акустика наушники, я послушал и уверенно сообщил: – Английская субмарина. Тип U. Что за группа, так с ходу не скажу.

Подняв часть команды, мы ушли под воду, двигаясь на электромоторах, потом затаились на глубине, соблюдая тишину. Когда британцы ушли и акустик перестал их слышать, мы снова всплыли и дальше пошли на дизелях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/poselyagin_vladimir/kapitan-neulovimogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)